

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТА БИБЛИОГРАФИИ ЛИТУАНИКИ

В. П. ЛИРОВ

I. Объект библиографии литуаники в её историческом развитии

Задача будущего обстоятельного труда по истории литовской библиографии — осветить во всех подробностях ход развития национальной библиографии и, следовательно, формирование библиографии литуаники, как одного из существенных ее направлений, отвечающих особенностям роста литовской культуры. Заметим, кстати, что предварительное создание (и издание) аннотированной библиографии литовской библиографии не только значительно облегчило бы предстоящее исследование и всю работу в области истории литовской библиографии, но было бы также полезно и при составлении ретроспективной национальной библиографии, над которой в настоящее время работает Книжная палата Литовской ССР, и для широких кругов научных работников, работников печати и библиотек. К сожалению, до сих пор о библиографии литовской библиографии, как о необходимом предварительном условии раскрытия накопленных библиографических материалов, никто в республике не проявил должной заботы, хотя необходимость в ней остро ощущается не только в самой Литве, но и за её пределами. Была бы полезной в качестве базы для дальнейших исследований, пособия для читателей и библиотек, и библиография библиографии литуаники¹. Освещение проблемы библиографирования литуаники за досоветское время ввиду отсутствия такого пособия представляет значительную трудность. Ниже мы затронули лишь наиболее существенные факты библиографирования литуаники, сосредоточив внимание на постановке принципиальных, имеющих теоретическое значение, вопросов: об объекте литуаники, о ее связи с основной задачей литовской библиографии XIX в., об особенностях библиографирования литуаники на разных этапах развития литовской библиографии.

«Литуаника» (в переводе с лат. яз. «относящиеся к Литве») — под такой рубрикой еще с середины XIX века в некоторых научных журналах (немецких, русских) стали печататься материалы исторического, этнографического, филологического характера, посвященные Литве². С развитием науки появляется и другой термин, близко связанный

¹ Хороший пример такого издания, предназначенного для научных работников, студентов и иных читателей, — составленная Г. И. Бакрадзе «Георгика», вышедшая в Грузии в 1960 г. (о ней см. ниже).

² Ср. у С. Балтрамайтыса в его «Сборнике библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы» (2-ое изд., Спб., 1904) во вспомогательном указателе наполнение рубрик „Lithuanica“, „Lituanica“.

с «литуаникой», а именно — «литуанистика». Уже в начале XX века последний стал означать комплекс гуманитарных дисциплин, изучающих литовский язык, тексты, литовскую литературу, историю, этнографию и т. п.³ За «литуаникой» с тех пор остается более определенное значение — всё связанное с Литвой, появляющееся за ее пределами и на других (не на литовском) языках. Хотя, по-видимому, некоторое время такого устойчивого значения оба термина не имели и употреблялись в качестве синонимов⁴, в наши дни они в достаточной степени определились, отдифференцировались.

Понятие «литуаника» в его библиографическом значении возникает сравнительно поздно — лишь в конце XIX в. (в 1892 г. библиографический обзор С. Юрвичюсом назван «Литуаника на польском языке»⁵), а окончательно входит в активный библиографический обиход еще позже — лишь с середины двадцатых годов нашего века. Содержание этого термина, применявшегося для характеристики труда С. Балтрайтиса «Сборник библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы», поставленного в заглавии ряда работ, появившихся в буржуазной Литве (указатели М. Урбшене⁶, раздел в журнале «Библиографийос жиниос»⁷), к сожалению, не получало какого-либо раскрытия или обоснования в трудах по истории литовской библиографии.

В работах буржуазного периода (В. Биржишка) внимательнейшим образом прослежена линия библиографической регистрации литовской печати за все время существования библиографии до начала XX в.; реализация же другой задачи — библиографирования литературы о Литве — отмечалась крайне бегло; даже «Сборник...» С. Балтрайтиса оставался как бы в стороне от общего развития литовской библиографии, вся история которой освещалась как процесс регистрации литовской печати. Так, в работе по истории литовской библиографии, оставшейся в рукописи, дав поверхностную характеристику указанного «Сборника», В. Биржишка пишет: «Этот труд Балтрайтиса не имел корней в предшествующих трудах по литовской библиографии и, как видим, почти не имел влияния на позднейшие работы»⁸. Здесь сказались ограниченность методологических основ буржуазной историографии библиографии, узкое понимание задач национальной библиографии как только задачи учета материалов на национальном языке.

Каких-либо работ по вопросам теории и методики библиографии в буржуазной Литве не появилось, а, следовательно, раскрытие содержания библиографического термина «литуаника», как и внимательная характеристика работ, ей посвященных, всецело относятся к советскому времени.

³ Cp. Lietuvių literatūros istorija. T. 2. Kapitalizmo epocha (1861—1917). V. 1958, p. 301.

⁴ Смешение этих понятий порою дает себя знать и доныне в некоторых работах по библиографии или, напр., в практике библиотек, но теперь это не более как пережиток, ничего, кроме путаницы, не означающий.

⁵ Jurjevičius S. Lituania lenkiszkoje kalboje t. y. suraszimas nekurių lenkiszku knjngu apie Lietuvą, jos istoriją, kalbą, literatūrą ir t. t. — „Apszvieta“, 1892. Nr. 6, p. 473—475.

⁶ Urbšienė M. Lituania. 1933. K., 1934. 28 p. (Atsp. „Bibliografijos žinios“, 1934, Nr. 3, 4, 5).

Urbšienė M. Lituania. 1934 ir 1933 m. papildymai. K., 1936. 40 p.

⁷ Lituania. — см. „Bibliografijos žinios“, 1933—1934, 1936—1940.

⁸ Biržiška V. Lietuviškos bibliografijos istorija. K., 1943, p. 83, maš. — Эжземпляр Книжной палаты.

В Советской Литве в связи с ростом библиографического дела, подготовкой библиотечно-библиографических кадров в ВГУ и постановкой задачи составления национальной библиографии создается новая, на совершенно иной методологической основе, историография литовской библиографии. В диссертации В. Жукаса⁹, отчасти в статье А. Ульписа¹⁰, Й. Басюлиса¹¹, А. Билонаса¹² освещению значения библиографии литуаники уделено больше места, хотя проблема библиографирования литуаники еще не стала предметом специального изучения. По существу, в этом направлении сделаны первые шаги, собирается фактический материал, который игнорировала буржуазная история литовской библиографии (особенно много его в диссертации В. Жукаса, убедительно опровергающей приведенное выше утверждение В. Биржишки), выявляются принципиально новые аспекты изучения проблемы.

В теоретическом плане еще не изучено конкретное содержание термина «литуаника». В статье В. Жукаса лишь мельком (в примечании¹³) указывается, что этот термин является синонимом краеведческой библиографии, и в этом значении он употребляется им для определения «Сборника библиографических материалов» Балтрамайтиса, тщательной характеристике которого посвящена статья (одна из глав упомянутой диссертации). Приемлемое в отношении «Сборника» Балтрамайтиса, такое определение «литуаники» неприменимо, однако, к другим работам, в самом заглавии которых указан этот термин; оно отождествляет «литуанику» с литовской краеведческой библиографией, а значит, на наш взгляд, в общем теоретическом плане неприемлемо.

Расшифровка понятия «литуаника», ввиду отсутствия каких-либо исторических его комментариев, возможна лишь на основе изучения самих библиографических работ, их содержания, границ охвата материала в них и т. д. Знакомство с ними убеждает, что «литуаника» в истории литовской библиографии была **величиной переменной**.

Содержание библиографического понятия «литуаника», очертания его объекта, по-видимому, всегда зависят от очертаний основной регистрационной библиографии, от того, по каким признакам определяется объект библиографии национальной печати, текущей или ретроспективной. Если последняя строится на принципе территории, то и литуаника не безразлична к месту издания, охватывая материалы, связанные с Литвой, но изданные «за ее пределами». Но, например, если в ретроспективном плане библиография литовской печати должна охватить эту печать, в силу особых исторических условий ее развития в прошлом, независимо от места ее издания, то соответственно и для определения ретроспективной библиографии литуаники становится основным не «место издания», а «язык» произведения, и она должна включить «иноязычные» материалы, т. е. произведения, связанные с Литвой и литовским народом, но изданные не на литовском языке, независимо от места их появления. В случае, если же создание биб-

⁹ Zukas V. S. Baltramaitis ir jo bibliografiniai darbai. Disertacija filolog. m. kandidato laipsniui įgyti. Vadovas K. Jablonskis. V., 1960, p. 504, maš. in. См. также: Жукас В. С. Балтрамайтис и его библиографические труды. Автореферат диссертации... Вильнюс, 1960. 22 с. (М-во высшего образования СССР. Вильнюсский Гос. ун-т им. В. Каспукаса). На основе работы опубликован ряд статей (см. ниже).

¹⁰ Ulpis A. Lietuvos TSR retrospektyvinės nacionalinės bibliografijos sudarymas. — „Bibliotekininkystė ir bibliografija“, t. I. V., 1961, p. 278—291.

¹¹ Basiulis J. Einamoji registracinė bibliografija Lietuvoje 1928—1940 metais. — „Bibliotekininkystė ir bibliografijos klausimai“, t. I. V., 1961, p. 83—97; его же: Кнугч регистравимас и jų klasifikavimas „Bibliografijos žinios“. — Там же, с. 125—140.

¹² Билонас А. Книжная палата Литовской ССР. — В сб.: Сорок лет советской государственной библиографии (1920—1960). М., 1960, с. 233—246.

¹³ Zukas V. S. Baltramaitis darbai lietuvių kraštotyros bibliografijos srityje. — „Mokslo darbai“ (Vilniaus un-tas), t. 32 Istorija, t. 2, 1950, p. 190.

лиографии национальной печати строится на смешанном языковом и территориальном принципе, понятие «литуаника» подразумевает материалы печати, изданные на языках других народов и опубликованные за пределами Литвы. Именно так определена «литуаника» как часть ретроспективной общей национальной библиографии в статье А. И. Ульписа¹⁴.

Эта тесная зависимость очертаний «литуаники» от объекта библиографии литовской печати прослеживается и в истории литовской библиографии, определяя собой изменения в библиографировании литуаники, в понимании термина «литуаника» и эволюцию последней в сторону некоторого расширения. На этой эволюции следует вкратце остановиться.

В истории литовской библиографии факты библиографирования литуаники складываются в единую, контурно прослеживаемую линию. Беря начало в первых опытах составления литовской национальной библиографии¹⁵, она неизменно, хотя и стихийно, развивалась, приведя к созданию весьма крупных библиографических работ как ретроспективного, так и текущего информационного характера.

Если верно, что основной задачей литовской библиографии с самого ее возникновения до начала XX века была тщательная регистрация всей литовской печати за все время ее существования¹⁶, то также несомненно, что параллельно изучению литовской печати, как главного объекта, шло постепенное выявление и кумуляция литературы о Литве, собрание того, что позднее стало называться «литуаникой». Последнее было вызвано и в дальнейшем диктовалось теми же потребностями и задачами развития литовской культуры, которые определили жизненность и необходимость библиографирования литовской печати. Это коренилось и в особенностях развития литовской культуры, в которой с самого начала большую роль играли политические, экономические и культурные связи Литвы и литовского народа с соседними народами, общение и взаимодействие с ними во многих сферах жизни. Литуаника (отражение Литвы и литовского народа в иноязычной печати), будучи результатом этого взаимодействия, всегда была проявлением интереса к Литве, а в связи с усилившейся к концу XIX в. борьбой литовского народа за свои политические, социальные и культурные права приобретала не только большое научное, но и политическое значение, показывая богатство его культуры, древность его языка, обнаруживая и стимулируя глубокий интерес к его истории, народному быту, фольклору и т. д., а также раскрывая его исторически сложившиеся связи с другими народами и их культурой.

Вот почему между регистрацией литовской печати и библиографированием литуаники, как между двумя линиями (сторонами, тенденциями, из которых одна была первоочередной, **главной**, а другая — **дополнительной**) процесса развития общей учетно-регистрационной ли-

¹⁴ См. Ульпис А. И. Опыт составления ретроспективной национальной библиографии Литовской ССР. — «Сов. библиография», 1960, № 1(59), с. 19.

¹⁵ Элементы «литуаники» имеются уже в библиографическом списке родоначальника литовской библиографии К. Незабитаускаса 1824 г.: *Nezabitauski K. Surinkimas Wysokiu Rasztu Lietuviszku, Zemaitytszku, yr Prusyszky-Lietuviszku; teypogi, kitu Rasztiniku, duodancziu žyne apey tą liežuwi; (kurius tiktay žynoty, regiety, yr anus skaitity galejau)... nu senowes layka lig pat szioley, yszspaustu; pagal skayczes metu diel žinios wysu suraszitas.* — В кн.: *Nezabitauski K. Naujas mokslas skaitima diel mazu wayku zemaycziu yr Lietuvos. V., 1824, p. 24.*

Как видим, в самом заглавии списка было указано, что он является «Собранием всяческих сочинений литовских, жемайтйских и прусско-литовских; а также и других Сочинителей, дающих сведения об этом языке»...

¹⁶ Жукас В. С. Балтрамайтис и его библиографические труды. Автореферат-диссертации... Вильнюс, 1960, с. 6.

товской библиографии, с самого начала существовала тесная взаимозависимость и взаимосвязь. Она была не только закономерной и прогрессивной, но и **практически** необходимой в силу ряда конкретно исторических обстоятельств, важных для понимания поступательного развития литовской библиографии.

Во-первых, известно, что сведения о самих произведениях литовской печати, развивавшейся в отдельные периоды за пределами Литвы и претерпевшей на своем многовековом историческом пути немалый ущерб, первоначально черпаются из иноязычных источников (напр., из предисловий к грамматикам, словарям и тому подобным изданиям, посвященным литовскому языку, но созданным на других языках; из библиографий Г. Остермейера и Л. Резы, написанных по-немецки; из немецких, польских и других научных изданий). Не только вначале, но и позднее библиографический учет иноязычных материалов о Литве остается столь же важным для выявления в них литовских текстов. Литература о Литве зачастую содержала характеристику этих текстов и иных литовских изданий, намечала пути их разыскания и исследования, раскрывала их историческую судьбу и значение, дискутировала многие вопросы развития литовской письменности. Только внимательное изучение всей литературы о Литве и литовском народе позволяло восстановить картину издания национальной печати.

Во-вторых, вся основная научная литература по литовской истории, этнографии, географии, языкознанию, народному творчеству и т. п. вначале (почти до начала XX в.) создается не на литовском, а на иных языках. На начальной стадии развития литовской культуры вклад ученых других стран был особенно заметным и ценным, а созданные ими литературные источники требовали тщательного изучения. Помощь регистрационной библиографии была здесь особенно важной и необходимой.

В-третьих, и сами литовские ученые, общественные деятели, многочисленная литовская интеллигенция, проходившая, как правило, обучение в высших учебных заведениях России, Польши, Германии, часто выступали в печати не на родном, а на иных языках, что на первых порах определялось сравнительно поздним возникновением литовской периодики, а подчас и отсутствием самих возможностей печататься по-литовски. Учет публикаций литовских авторов на иных языках существенно дополнял картину развития литовской культуры.

Таковы вкратце основные предпосылки, предопределившие как необходимость библиографирования литуаники в прошлом, так и ее тесную связь (особенно на первом этапе развития литовской библиографии) с первоочередной задачей регистрации национальной печати.

Следует однако подчеркнуть, что сравнительно с проблемой регистрации литовской печати проблема библиографирования литуаники была менее осознанной, более широкой, значительно труднее осуществимой. Требуя всесторонней ориентировки в литературе и библиографии соседних народов, тщательного изучения исторически сложившихся разносторонних связей Литвы, задача регистрации литуаники могла осуществляться в условиях XIX — начала XX вв. лишь отдельными частями, связываясь с работами историко-филологического профиля, с составлением отраслевых или краеведческих библиографий. Лишь постепенно, по мере развития и «разветвления» самой библиографии, росла необходимость библиографировать литуанику в более широком и общем плане как дополнение к общей литовской библиографии.

Постепенному вызреванию библиографии литуаники как своеобразной «ветви» национальной библиографии, имеющей, кстати, и известное

международное значение, помогли не только рост национального самосознания, подъем национально-освободительного движения в Литве в последней четверти XIX в. и стремление опереться в отстаивании прав литовского народа на поддержку мировой науки, все больше, в связи с интенсивным ростом литуанистики, свидетельствовавшей в пользу этих прав. Осознанию этой задачи в некоторой мере способствовала и практика библиографической работы у соседних народов (пример собирания и библиографирования «россики» в Петербургской публичной библиотеке, тщательной регистрации «полоники» в трудах К. Эстрейхера), а в особенности происходившее во второй половине XIX в. в России под воздействием развивающегося капитализма и потребностей науки быстрое развитие краеведческой библиографии, охватившей тщательным учетом литературу о целом ряде районов страны (о Сибири, Кавказе и Закавказье, Туркестане и т. п.).

На наш взгляд, следует различать несколько основных этапов, характеризующихся постепенным — по мере роста печати и библиографии — выделением и развитием проблемы библиографирования литуаники:

I. Период 1824—1875 гг. — период зарождения традиции библиографирования «литуаники», от возникновения литовской национальной библиографии (список К. Незабитаускаса¹⁷) до появления «Опыта литовской библиографии» Я. Карловича¹⁸. На этом подготовительном этапе библиографических работ, посвященных в прямом смысле литуанике, еще нет. Можно говорить лишь об известных элементах библиографирования литуаники, которые еще недостаточно отчетливы, неотдифференцированы, остаются скрытыми внутри процесса, направленного на собирание литовской печати. Включение иноязычных материалов о Литве и литовском народе в опыты литовской библиографии, созданные П. И. Кеппенем, Ю. Плиотерисом, Я. Карловичем, О. Кольбергом¹⁹ и др., уже обнаруживает большое научное и практическое значение литуаники, хотя регистрация последней в них еще не стала самостоятельной задачей. Опыты учета литуаники наряду с регистрацией литовской печати на этой первоначальной стадии, несмотря на их неразвитый характер, уже ощутимы и важны как тенденции, имеющая жизненное значение для развития литовской культуры и для последующего роста литовской библиографии.

II. Период конца XIX (последняя четверть) — начала XX в. (до 1917 г.). Ознаменованный значительными сдвигами в развитии литовской библиографии, связанный с именем крупнейшего литовского библиографа С. Балтрамайтиса, этот период особенно богат фактами библиографирования литературы о Литве и литовском народе, вышедшей не на литовском языке (ею интересуются литовские периодические издания, различных идейных направлений; научная периодика на русском и немецком языках; ряд литовских библиографов и деятелей культуры — С. Юрвичюс, С. Диджюлис, М. Давайнис-Сильвестравичюс и др.²⁰; русские ученые и библиографы, создающие библио-

¹⁷ См. прим. 15.

¹⁸ Karłowicz J. Próba bibliografii litewskiej. Rękopismy. — Rozprawy i Sprawozdania z Posiedzeń Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności, t. 2, 1875, s. 331—362.

¹⁹ См. о них в статьях В. Жукаса: P. Kepeno darbas „Apie lietuvių tautos kilme, kalbą ir literatūrą“. — „Mokslo darbai“ (Vilniaus un-tas), t. 20. Ist.-filolog. mokslų serija, t. 5, 1958, p. 153—165; J. Karlovičiaus darbas „Lietuvių bibliografijos bandymas“. — „Vilniaus Valst. universiteto mokslinės bibliotekos metraštis. 1957“, 1958, p. 50—62; O. Kolbergo darbas lietuvių bibliografijos srityje. — „Bibliotekų darbas“, 1960, Nr. 2, p. 23.

²⁰ См. Zukas V. S. Baltramaičio darbai lietuvių kraštotyros bibliografijos srityje. — „Mokslo darbai“ (Vilniaus un-tas), t. 32. Istorija, t. 2, 1950, p. 188—191.

графию по вопросам истории, этнографии, археологии Литвы — Э. А. Вольтер, П. О. Черневский, И. А. Барбашев²¹; польские библиографы — Ф. Гавелек²² и др.).

В связи с интенсивным развитием литуанистики как в Литве, так и за ее пределами, параллельно быстрому росту издания литературы о Литве на русском, польском и иных языках, в этот период перед библиографией отчетливо выявилась насущная необходимость, во-первых, в тщательном выявлении и регистрации уже накопившейся в печати «литуаники» (отсюда — создание фундаментального источника по всем вопросам, касающимся Литвы и литовского народа, — «Сборника библиографических материалов...» С. Балтрамайтиса²³, «разведка» польской литуаники в работах С. Юрявичюса²⁴) и, во-вторых, в текущей информации о новых материалах (попытки их отражения в периодических изданиях).

Библиографирование литуаники, отделяясь в этот период от основной задачи литовской библиографии — от регистрации литовской печати, принимает форму краеведческой библиографии²⁵. В этой области «Сборник...» С. Балтрамайтиса остается самым значительным трудом ретроспективного характера, непревзойденным до наших дней. Внушительен уже самый объем библиографии: в первом издании (1891 г.) — 4098 записей, во втором (1904 г.) — 8514. В действительности тематика второго издания шире, чем указано в заглавии «Сборника...»: учтены материалы по естествознанию (ботанике, зоологии), по сельскому хозяйству, экономике, промышленности, ремеслам Литвы; включено много материала по истории просвещения, искусства, библиотек, по литовскому языку, литературе, фольклору и т. п.; произведения художественной литературы, сюжет которых связан с событиями литовской истории, с мотивами литовского фольклора и т. п. Предназначая свою библиографию для научной работы, С. Балтрамайтис стремился к полноте охвата материалов. Учитывался материал, в котором речь шла о Литве как территории, и материал, где речь шла о литовцах, находящихся за пределами Литвы; регистрировались произведения, целиком посвященные Литве и литовскому народу, и такие, которые лишь частично их затрагивали. В «Сборник...» вошли публи-

²¹ Вольтер Э. Обзор трудов по литовской этнографии (1879—1890). — «Живая старина», 1890, вып. 1, стр. 37—42; вып. 2, стр. 177—183; Черневский П. О. Указатель материалов для изучения Северо-Западного края (Ковенская, Виленская и Гродненская губ.). В археологическо-этнографическом отношении. Ковно, 1882. 39 с.; Барбашев И. А. Летописные источники для истории Литвы в средние века. Спб., 1888. 29 с.

²² Gawełek F. Bibliografia ludoznawstwa litewskiego. Wilno. 1914, 77 s.

²³ Балтрамайтис С. Сборник библиографических материалов для географии, этнографии и статистики Литвы. С приложением списка литовских и древне-прусских книг с 1553 по 1891 г., Спб., 1891, 290 с. («Записки Русского геогр. о-ва по отд. этнографии», т. 21, вып. 1); Его же. Сборник библиографических материалов для географии, истории, истории права, статистики и этнографии Литвы. С приложением списка литовских и древне-прусских книг с 1553 по 1903 г. Изд. 2, Спб., 1904, 616+218 с. («Записки Русского геогр. о-ва по отд. этнографии», т. 25, вып. 1).

²⁴ См. прим. 5. Сохранились также рукописи трех других работ С. Юрявичюса, посвященные разысканию литуаники. (См. указанную выше статью В. Жукаса, с. 190.)

²⁵ На наш взгляд, несомненно, что задачу ретроспективного библиографирования литуаники, т. е. материалов печати, связанных с Литвой и литовским народом, но изданных не на литовском языке и являющихся дополнением к библиографии национальной печати (составляемой, кстати сказать, параллельно), С. Балтрамайтис решает в плане создания краеведческой библиографии, образцы которой в то время во множестве появляются на ниве русской библиографии. Отсюда — и охват материала, задачи которого, очерченные в заглавии «Сборника...», ограничиваются учётом краеведческого материала (хотя на деле охват материала оказался несколько шире), и характерная для краеведческих изданий той поры схема классификации, и, наконец, смещение «литуаники» и литовской печати (последняя составляет около 20% всего учтенного материала, включая книги и статьи краеведческого содержания).

кации на русском, польском, немецком, латинском, французском, английском, чешском, итальянском, финском и других языках. Разнообразен ученный материал и по видам изданий, и по своему назначению. Впервые в истории литовской библиографии был осуществлен, с одной стороны, комплексный, а с другой — аналитический подход к библиографированию печати, без которых библиография литуаники невозможна. Собрав свои материалы, накопленные предшествующим развитием библиографии «литуаники», труд С. Балтрамайтиса создал прочную основу для ее нового роста, для лучшего осознания ее специфики и задач.

III. Период 1919—1940 гг. — время развития библиографии литуаники в буржуазной Литве. В этот период библиографирование литуаники предпринимается неоднократно, но, как и вся библиографическая работа в целом, оно было поставлено в зависимость от политики и идеологии господствующего класса, было делом отдельных энтузиастов, стремившихся к развитию библиографии, но сталкивавшихся с отсутствием необходимых условий, с открытым равнодушием и пренебрежением буржуазии к вопросам культуры и библиографии.

Вначале, в 1922—1924 гг., библиографирование литуаники ведется на страницах журнала «Книгос» и носит ретроспективный характер, служа своеобразным продолжением и дополнением работы Балтрамайтиса.

В журнале «Книгос» задачам библиографической регистрации служили три (один основной и два дополнительных) раздела: «Литовская библиография»; «Литовские авторы на иностранных языках»; «Литуаника на иностранных языках».

Они в основном еще сохраняют традиционные черты. Если «Литовская библиография», как прежде, строится по языковому принципу, то и регистрация литуаники идет независимо от места издания, учитывает лишь «иноязычные» материалы. Такое «языковое» построение «национальной» библиографии в условиях, когда Литва обрела свою государственность, было уже анахронизмом, данью культурной отсталости Литвы. Традиционно также признание «литуаникой» лишь краеведческих (т. е. только тематически, по содержанию связанных с Литвой) печатных материалов²⁶ и ретроспективный характер всей этой библиографической регистрации. Это еще не текущая библиография, имеющая оперативное информационное назначение, а лишь подступы к ней.

Несмотря даже на большой хронологический охват (1892—1924), разделы «Литовские авторы» и «Литуаника» были весьма скудными²⁷.

Позднее, в журнале «Библиографийос жиниос» (1928—1940 гг.), наряду с текущим библиографическим учетом печати, выходявшей на территории Литвы, велась также регистрация произведений литовской печати, книг литовских авторов на других языках и сочинений о Литве, издаваемых за пределами Литвы. То, что в журнале «Книгос» регистрировалось раздельно: «Литовские авторы...» и «Литуаника на иностранных языках», здесь объединяется в один стабильный раздел «Литуаника»²⁸ и, значит, этому термину придается более широкое значение.

²⁶ Хотя выделение особого раздела «Литовские авторы на иностранных языках» само по себе симптоматично, с «Литуаникой» он еще не слит: это случится позднее — почти через 10 лет.

²⁷ Всего в двух разделах («Литовские авторы...» и «Литуаника на иностранных языках») помещено 796 записей (197+589), в том числе издания на польском (333), немецком (306), французском (20), русском (46) и иных языках.

²⁸ См. прим. 7. Раздел «Литуаника» имеется почти во всех номерах журнала, начиная с 1933 по 1940 гг., полностью отсутствует в комплекте за 1935 г. Всего за

Там же отдельно публикуются и некоторые краткие указатели (по материалам иностранной печати) на «злобу дня», и более крупные библиографии «Литуаника» за 1933 и 1934 г. Последние — интересный и показательный для библиографии того времени факт учета литуаники, заслуживающий специального разбора²⁹. В этих ежегодниках указано: за 1933 г. — 558 записей, за 1934 г. — 752. Материалов зарубежной литовской печати ежегодники М. Урбшене не учитывали, относя к литуанике лишь иностранные произведения, связанные с Литвой и литовским народом только по содержанию. Учтены материалы печати почти 20 стран. В отличие от регистрации литуаники в соответствующем постоянном разделе «Библиографийос жиниос», которая велась совершенно стихийно, на основе случайных, попавших в поле зрения библиографов, печатных материалов, эти ежегодники отличает активный поиск, использование большого круга иностранных источников, применение аналитического метода выявления литуаники. Однако, едва начавшись, охватив всего два года (а печатание библиографий затянулось, и еще в 1938 г. публиковалось продолжение библиографии за 1934 г.), текущее библиографирование литуаники в таком объеме сначала поневоле утратило оперативность, а затем и вовсе прекратилось. Трудности, с которыми пришлось столкнуться библиографу, работавшему в одиночку, усугублялись расплывчатой установкой на регистрацию «литуаники вообще», в некоем «мировом» масштабе, а также отсутствием какой-либо широкой идейно-политической основы, оправдывающей время и усилия, затраченные на создание подобной библиографии.

Таким образом, библиография литуаники в этот период ведется двойко: как дополнение к учету национальной печати (в журналах «Книгос», «Библиографийос жиниос») и отдельно (указатели М. Урбшене и др.). Однако она в это время в большой мере ограничивается неразвитостью культурных связей буржуазной Литвы, националистической идеологией и западной ориентацией господствующего класса.

Для развития библиографии литуаники в период господства буржуазии не существовало необходимой питательной среды, какой могла быть лишь обстановка всестороннего творческого взаимодействия, сотрудничества и повседневного обмена духовными и иными ценностями между народами. В условиях капитализма этого не могло быть.

Вспоминая время буржуазной власти в Литве, Пятрас Цвирка в 1947 г. писал: «Были границы, таможи, через которые провозились шелк и свинина, валюта, а также парижские и лондонские безделушки для господ Литвы, но никогда через эти границы, за Кибартай и Зарасай, не проходили ни стихи литовских поэтов, ни песня, ни произведение искусства, говорящие на своем национальном языке и ищущие связи с прогрессивными трудами и творчеством других народов в общем шестивм человечества к свободе, к действительному братству народов. Литовскую буржуазную «культуру» за границей представляли бекон и фракы полномочных сметоновских министров. Но и капиталистическая Европа мало заботилась об изучении культуры нашего маленького народа, которая ей представлялась низкокоотируемым товаром на международной бирже»³⁰.

Неудивительно поэтому, что материалы литуаники, как, например, в ежегодниках М. Урбшене, в этот период складывались в значительной степени из публикаций политического характера на немецком, фран-

6 лет учтено 199 изданий, в том числе 3 периодических, изданных в 17 странах, больше всего в Польше и Германии.

²⁹ См. прим. 6.

³⁰ Cvirka P. Tautų draugystės žiedai. — Raštai, t. X. V. 1952, p. 351.

цузском, английском языках, отражавших неустойчивость политического положения «независимой Литвы» и ход того торго, который вели вокруг нее националистическая буржуазия и империалистические державы Запада. Научная и художественная литература была отодвинута ими на второй план.

В этих условиях библиография литуаники, естественно, была скудной, случайной, ограниченной в идейном и практическом отношении, фактически превратилась в простой придаток к текущей библиографической регистрации, не создав более широкой базы для дальнейшей научной и библиографической работы.

Совершенно иные условия для развития библиографии создались в Литве с восстановлением в ней советской власти и её присоединением к великой семье советских народов. Проблема библиографирования литуаники впервые обрела подлинное идейное и научное значение и прочную организационную базу. Начался качественно новый этап в истории литовской библиографии, в том числе и библиографии литуаники, по сравнению с которым все их предыдущее развитие является только предисторией.

Обратимся к «Летописи советской литуаники», выпускаемой с 1951 г. Книжной палатой и Республиканской библиотекой Литовской ССР и представляющей собой информационную *текущую* библиографию литуаники³¹. Летопись, основанную на принципе «литуаники», прежде всего отличает ярко выраженный *целестремленный* характер. Это — одна из важнейших ее черт. Всем своим содержанием летопись является пример пристального внимания к развитию общественных, экономических, культурных связей Советской Литвы, к их отражению во всесоюзной печати, в печати братских союзных и автономных республик и зарубежных социалистических стран, к тем откликам, которые получает Литва у братских народов. Наряду с широким читательским назначением летописи литуаники свойственна весьма четкая целевая установка: ориентировать читателя во всем потоке издаваемой в нашей стране и отчасти за рубежом литературы с точки зрения отражения в ней Литвы — ее природы, истории, сегодняшней жизни и т. д. Под углом зрения литуаники собираются воедино важнейшие материалы, изданные за пределами Литвы на разных языках, относящиеся к разным типам и видам литературы, к разным отраслям знания³².

Отсюда — вторая специфическая методическая черта летописи:

комплексность.

Она заключается не только в охвате всех видов печатной продукции (книг, статей, рецензий, нот, иллюстраций и пр.). На основе принципа литуаники возможно также объединение различных по своему внутреннему характеру (не только по форме) категорий материалов. Фиксируя произведения печати, появившиеся вне Литвы, по признаку их связи с Литвой, библиография литуаники учитывает возможность различного проявления этой связи в каждой конкретной публикации. В основном существуют три варианта связи произведения печати с Литвой: связь авторская, связь по содержанию и связь по языку. Каждая из них является тем существенным, первичным признаком произведения печати, который служит достаточным основанием для включения

³¹ Tarybinės lituanikos metraštis. — Летопись советской литуаники (Советская Литва в печати СССР и стран народной демократии): Вильнюс, 1951 —.

³² В ежегодном предисловии к «Летописи печати» задачи летописи определены составителями следующим образом: «В Летописи советской литуаники» объявляются важнейшие материалы о политической, экономической и культурной жизни Литовской ССР, которые публикуются в печати СССР и стран народной демократии, а также произведения литовских авторов, опубликованные за пределами нашей республики». (См. „Sraudos metraštis“, 1960, Nr. I, p. II.)

произведения в библиографию литуаники (конечно, с учетом значимости и конкретного содержания материала). И, следовательно, в практике библиографирования литуаники все ее материалы могут быть разбиты на три основные категории:

1) литуаника **авторская** — любого рода произведения печати, независимо от их языка и содержания, если они принадлежат перу деятелей Литвы (разумея под «деятелями» широкий круг лиц, непосредственно связанных с республикой своей работой или местом жительства);

2) литуаника **«краеведческая»** — любого рода произведения печати, независимо от их языка и авторской принадлежности, если они своим содержанием более или менее, в том или ином отношении касаются Литвы, ее жизни, любой из ее сторон в прошлом и настоящем;

3) литуаника **языковая** — любого рода произведения печати, независимо от их авторской принадлежности и содержания, если они напечатаны на литовском языке.

В значительной части **авторская литуаника** является вместе с тем и краеведческой, поскольку составляющие ее произведения печати и своим содержанием так или иначе касаются Литвы. Однако часть изданий авторской литуаники не имеет краеведческого характера. К таким относятся труды по математике, физике и другим научным дисциплинам, не связанным с краеведческой тематикой, выступления общественных деятелей Литвы во всесоюзной печати по вопросам борьбы за мир и коммунизм, публикации литовских питателей и иных авторов по многим общим вопросам науки, литературы, культуры, народного хозяйства и т. п. Опубликованные вне Литвы, они тем не менее суть естественное продолжение того культурного творчества, которое интенсивно ведется в самой республике. Они словно осуществляют выход национальной культуры на всесоюзную и мировую арену. Особой новизной авторской литуаники являются многочисленные переводы.

Интерес, проявляемый к ним в республике, имеет живой и широкий общественный характер, обусловленный стремлением республики внести возможно больший вклад в единую советскую науку и культуру, в общее дело коммунистического строительства. Несомненно, что любой отчет о развитии тех или иных областей культуры в Литве, любой обзор работы литовских ученых, общественных деятелей, писателей рискует быть неполным и неполноценным, если не будут учтены принадлежащие им по авторскому праву материалы, опубликованные за пределами республики — в центральной печати, в печати братских республик и зарубежных стран социализма. А таких публикаций из года в год появляется все больше. Свидетельствуя о выросшем уровне развития науки, литературы, искусства в Литве, о ее достижениях во всех сферах общественной жизни, показывая, как растет участие деятелей Литвы в решении проблем всесоюзного и межреспубликанского масштаба, авторская литуаника — один из многих существенных результатов достигнутого в советские годы успешного преодоления национальной замкнутости, ограниченности, провинциальности, так тормозивших развитие Литвы в прошлом. Знаменательно, что за годы издания летописи удельный вес авторской литуаники в ее общем объеме непрерывно возрастал.

Значение **«краеведческой» литуаники** хорошо известно. Она — свидетельство неослабного дружеского внимания, с которым за успехами Литвы в коммунистическом строительстве следят на Украине и на Дальнем Востоке, в Узбекистане и далекой Якутии, всюду, где советский народ и народы стран социалистического мира творят свое светлое будущее. Экономика, культура, история и современные достижения Советской Литвы, опыт ее новаторов, успехи ее ученых, худож-

ников и т. д. — все это стало предметом широкого живого интереса со стороны всех братских народов как часть их собственной истории, их собственной борьбы за коммунизм. Акад. К. Корсакас, отмечая значение «Летописи литуаники» для укрепления интернациональных начал в науке и искусстве Литвы, пишет: «Эта библиографическая регистрация наглядно показывает, как широко пишут за пределами Литвы о нашей республике, о культуре литовского народа, его прошлом и настоящем, как много переводится из нашей литературы на другие языки. Когда следишь за этой интересной библиографической регистрацией, становится ясным, что литуанистика создается не только в нашей республике и не только силами литовских научных работников, но что в нее большой вклад вносят и русские, белорусские, латышские, польские, немецкие и другие историки, филологи, литераторы. Без преувеличения можно говорить о том, что литуанистика в наши дни является научной дисциплиной интернационального масштаба и что ее составляют плоды исследовательского труда ученых множества народов»³³.

Материалы «краеведческой» литуаники очень часто проливают яркий свет на значение тех или иных событий в истории Литвы, углубляют и расширяют оценку явлений национальной жизни во всех ее сферах, в ее прошлом и настоящем, связывая их с аналогичными явлениями в жизни братских народов и всей нашей страны, корректируют понимание отдельных вопросов и фактов. Среди них огромное разнообразие публикаций от крупных научных исследований, очень ценных для разработки проблем литовской истории, как, например, монография В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства»³⁴, и до многочисленных рецензий и откликов на новые произведения литовских писателей, художников, композиторов, значение которых все чаще выходит за рамки своей республики.

Материалы «краеведческой» литуаники в практике их библиографирования полезно также разбить на две основные группы в соответствии с объемом литуаники в них:

1) произведения, непосредственно и целиком посвященные Литве и литовскому народу — книги и статьи, основным содержанием которых служит Литва и вопросы, связанные с нею, в том числе и произведения, созданные на литовском материале, по литовским мотивам или на опыте Литвы;

2) произведения, содержащие материалы о Литве в отдельных разделах, главах, на отдельных страницах или включающие отдельные существенные упоминания о Литве и литовском народе.

Произведения печати этой второй группы можно назвать и «косвенной литуаникой», поскольку они не являются литуаникой в точном значении слова, хотя подчас и представляют большую ценность для изучения Литвы.

Литуаника «языковая» в настоящее время в рамках «Летописи советской литуаники» сравнительно очень невелика, поскольку издание литературы на литовском языке идет во все возрастающих масштабах целиком на территории Литвы, являясь одним из ярких показателей расцвета ее культуры в советское время. В летописи эта литуаника

³³ K o r s a k a s K. U g d y t i i n t e r n a c i o n a l i z m ą l i t e r a t ū r o j e i r m o k s l e. — „L i t e r a t ū r a i r m e n a s“, 1961, spalio 14 d. См. также: Корсакас К. Если мы хотим двигаться вперед... Задачи и недостатки пропаганды принципов интернационализма. — «Дружба народов», 1962, № 8, с. 258.

³⁴ П а ш у т о В. Т. Образование Литовского государства. М., Изд. АН СССР, 1959, 532 с.; 2 л. карт. (АН СССР. Ин-т истории).

представлена лишь отдельными изданиями, выходившими в Москве³⁵, «Ведомостями Верховного Совета СССР», выходившими до 1960 года параллельно на всех языках союзных республик, в том числе и на литовском³⁶, сообщениями о заседаниях сессий Верховного Совета СССР на литовском языке, публикуемыми в газете «Известия»³⁷, а также некоторыми весьма интересными изданиями, предпринятыми литовцами и для литовцев в Народной Польше³⁸.

За годы издания летописи на ее страницах было зарегистрировано около 20 000 произведений печати по всем отраслям знания более чем на 30 языках, что в несколько раз превышает объем «Сборника библиографических материалов...» С. Балтрайтиса и не идет ни в какое сравнение с количеством литуаники, библиографически учтенной в журналах «Книгос» и «Библиографийос жиниос», выходивших в буржуазной Литве. Объем регистрации в летописи ежегодно возрастал — не только в связи с ростом издания советской печати и не только за счет привлечения (с 1957 г.) материалов зарубежной литуаники, но и прямо пропорционально умножению и укреплению всесторонних общественных, экономических, культурных и иных связей Советской Литвы с великой семьей советских народов и с народами зарубежных социалистических стран³⁹. Наличие «авторской» и «краеведческой» литуаники в каждом отраслевом разделе летописи отражает крепнущий двусторонний характер этих связей.

В целом понятие «литуаники» в наши дни перекрывает комплекс гуманитарных дисциплин, обозначаемых термином «литуанистика», и выходит за рамки тех отраслей знания, которым присущ региональный метод исследования и которые важны для краеведения (геологии, географии, зоологии, ботаники, истории и т. п.). Она в летописи представлена также многочисленными материалами по точным наукам, по технике и иным отраслям, которые никто к краеведческой литературе не относит, ибо в них нет собственно краеведческих сведений. С точки зрения масштабов содержания библиографирование литуаники ныне непосредственно примыкает к государственной библиографии, имея такое же «летописное» и актуальное практическое значение (разумеется, параллельно летопись решает и некоторые важные задачи краеведческой библиографии).

Таким образом, в настоящее время применительно к текущей библиографической регистрации понятие «литуаники» многопланово⁴⁰, означая совокупность печатных материалов, связанных с Литвой по признаку содержания, авторства или языка, но изданных за ее пределами.

³⁵ См., напр., публикацию доклада Н. С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» на лит. яз. — ЛСЛ, 58, 7 1147; стенографический отчет о заседаниях первой сессии Верховного Сов. СССР пятого созыва (27—31 март 1958 г.). — ЛСЛ, 58, 9, 1550; и другие.

³⁶ См., напр., ЛСЛ, 58, 4, 557—558; 58, 5, 750; 58, 6, 901; 58, 8, 1345.

³⁷ См., напр., ЛСЛ, 58, 1, 52; 58, 4, 566.

³⁸ См., напр., ЛСЛ, 58, 9, 1669; 60, 11, 3089.

³⁹ Ежегодный рост объема регистрации характерен и для всех изданий, аналогичных летописи литуаники и выходящих в братских союзных республиках, как, напр., «Белорусская ССР в печати СССР» (издается с 1946 г.), «Украинская ССР в изданиях республик Советского Союза» (с 1957 г.), «Советская Латвия в печати СССР» (с 1958 г.) и др. См., напр., Симановский И. Б. Библиографическое дело в Белорусской ССР. — «Сов. библиография», 1959, № 2 (54), с. 38.

⁴⁰ Указанное выше разграничение литуаники на три вида (авторскую, «краеведческую», языковую) — деление внутреннее, «структурное», вскрывающее характер связи произведения печати с Литвой. В летописи оно ничем не выявлено, не подчеркнуто. В ней материалы литуаники систематизируются по содержанию, а поэтому в пределах любого отраслевого раздела приводятся в одном ряду публикации как авторской, так и «краеведческой» литуаники (литуаники языковой очень мало, но там, где она есть, например, в разделе «Государство и право», она также не выделяется). Тем

Такая комплексная трактовка «литуаники», благодаря которой в летописи отражается, закрепляется и в известной мере (предварительно) обобщается чрезвычайно широкий, но целостный поток изданий, стала возможной лишь после того, как была создана четкая государственная, т. е. территориально очерченная текущая общая регистрационная библиография республики, дополнением к которой должна быть «Летопись советской литуаники».

II. Некоторые соответствия библиографии литуаники в библиографии народов СССР и зарубежных стран социализма

Вопрос об отнесении библиографии типа литуаники к тому или иному виду библиографии, выяснение ее природы и проблематики требует не только внимательного изучения объекта, задач и особенностей исторического развития самой библиографии литуаники, но и привлечения материала о развитии библиографии такого рода у других народов, особенно у тех, чья библиография развивалась в условиях, сходных с историей литовской библиографии. Параллели здесь напрашиваются сами собой, ибо интерес к материалам типа литуаники, продиктованный потребностями развития и взаимного сотрудничества наций, имеет место у многих народов.

Подобные материалы издавна обозначаются словами, заимствованными, как и термин «литуаника», из латинского языка: *gossica, polonica, bohemica, germanica, hungarica, georgica, estonica, ucrainica, helvetica* и т. д.⁴¹

К сожалению, всевозможные справочные (общие и специальные) издания и иная литература не объясняют содержания всех этих понятий. Исключение составляют лишь некоторые из них: таковы, как увидим, «советика», «георгика», «булгарика», «полоника», «богемика».

Однако до сих пор не было попыток сопоставления и сравнительного анализа этих понятий с целью выяснения общего и особенного в их содержании, сходства и различий в определяемом ими объекте. Между тем их сопоставление представляет значительный теоретический интерес: оно может оказаться полезным и для установления специфики той библиографической деятельности, которая скрывается за каждым

не менее — это весьма существенное общее деление, особенно важное при решении вопросов методики библиографирования литуаники, ибо от того, к какому из названных трех видов принадлежат конкретные произведения печати, будут зависеть и способы их разыскания и выявления, и полнота их библиографической характеристики, и — главное — критерии отбора.

Охват материала в летописях, издаваемых в братских республиках, в основном аналогичен объекту летописи литуаники: в них так же учитываются произведения печати, изданные за пределами той или иной республики, но связанные с ней либо авторски, либо по содержанию, хотя, видимо, признак языка во внимание не принимается. Следовательно, с необходимостью разделения материалов типа литуаники в практике их библиографирования на основные виды в соответствии с характером их внутренней связи с республикой сталкиваются не только составители «Летописи советской литуаники»; однако отчетливого осознания необходимости такого разграничения до сих пор еще нет.

⁴¹ В историко-филологической и библиографической литературе, а также в практике библиотек и архивов существуют аналогичные понятия, относящиеся к тем или иным краям, напр., *Caucasica, Sibirica, Taurica, Baltica, Balcanica* и др.; к городам, напр., *Odessica*; к языкам, напр., *Slavica, Arabica*; к историческим понятиям: *Scythica, Moscovitica* и т. п.

Аналогичны по значению и происхождению понятия с суффиксом *-iana*, напр., *Bessarabiana, Canadiana, USA-iana* и т. п. (Ср. в библиографии, напр., *Puschki-pana*, что означает «сочинения писателя и литература о нем».)

Однако рассмотренные проблемы литуаники заставляют нас ограничиться понятиями, близкими по характеру понятию «литуаника», т. е. имеющими определенную национальную окраску, связанными с той или иной страной.

из указанных терминов, и для определения места этой деятельности в системе видов библиографии.

Ниже приводится сравнительный обзор основных, имеющихся в литературе, определений указанных выше понятий, а также сведений о некоторых относящихся к ним библиографических работах.

1. «Георгика» и «булгарика»

По своему объему близко «литуанике» понятие «георгика». В предисловии к библиографии «Георгика»⁴² видный грузинский библиограф Г. И. Бакрадзе (1887—1960)⁴³ вкратце раскрывает содержание поставленного в заглавии понятия. Отметив, что «георгика» — это филологический термин, означающий «старинное литературное сочинение о Грузии», автор указывает, что, как и аналогичные международные латинские термины: *Rossica*, *Ucrainica*, *Polonica*, *Arabica* и др., он употребляется и в библиографии, но в более широком понимании. В библиографии «каждый такой термин подразумевает не только историческую, филологическую, общественно-гуманитарную, но и всех видов литературу, которая к тому или иному народу относится и издана на других языках...» Очень существенно, что Г. И. Бакрадзе отмечает связь библиографии георгики с национальной библиографией, перед которой ныне стоят важные задачи: «произвести регистрацию всех печатных национальных изданий» (т. е. на грузинском яз.) и «кроме учета и описания изданий данной нации на других языках, учесть и описать литературу иных наций». Последнее и есть задача библиографии георгики.

Необходимость тщательной библиографической регистрации «георгики» автор обосновывает не только краткими указаниями на примеры библиографирования «россики», «литуаники» и др., но и ссылками на исторические связи Грузии с народами мира⁴⁴. Он особо подчеркивает, что подобные связи достигли своего расцвета в нашу советскую эпоху и за пределами Грузии ныне много пишут о Грузии, о ее истории, природных богатствах, сельском хозяйстве, о грузинской литературе и языке и т. п. Вот почему «задача библиографов Грузии состоит в том, чтобы возможно полнее учесть печатные материалы на других языках о Грузии и систематизировать их...» Составленную им самим ретроспективную библиографию — аннотированный указатель библиографических источников и справочной литературы, имеющих отношение к Грузии с древнейших времен до наших дней — автор рассматривает как первый шаг к созданию полной (общей) библиографии георгики. В указателе приведено около 50 всевозможных изданий на русском и армянском языках, в том числе отдельно изданные, прикнижные и пристаейные библиографии, энциклопедии и другие справочные издания.

В один ряд с «литуаникой», «георгией» следует поставить и понятие «булгарика», обстоятельную характеристику которого содержит статья болгарского библиографа Веселина Н. Трайкова⁴⁵. Подчеркнув,

⁴² Бакрадзе Г. Георгика. Тбилиси, «Сабчота Сакартвели», 1960, 68 с. (Гос. респ. б-ка им. К. Маркса) — На груз. яз.

⁴³ См. о нем: Георгий Илларионович Бакрадзе (Некролог). — «Сов. библиография», 1961, № 2, с. 103—104.

⁴⁴ «Грузия в своем многовековом развитии имела взаимоотношения и связи со многими народами. Жизнь и деятельность грузинского народа, его героическое прошлое описано в истории тех народов, с которыми имелись взаимоотношения и связи. О Грузии писали древние греки и римляне еще в V в. до нашей эры, писали византийцы в VI—VII вв., арабы с VIII в., турки с XVI в. Русский и вышеупомянутые народы создали ценные этнографические, палеографические памятники, и их выявление, систематизация и изучение является важной задачей» (там же).

⁴⁵ Трайков В. Н. *Bulgarica*. Литература на чужди езици върху България и българският народ. Основни организационни въпроси. — Годишник на Българския

что такого рода библиография имеет большое хозяйственное, политическое и культурное значение «для каждой культурной страны», что ретроспективное выявление и текущая регистрация болгарики могут иметь первостепенную государственную важность для познания Болгарии, ее природных богатств, для изучения «вклада нашего народа в общечеловеческую культуру», В. Трайков подробно остановился на определении объекта специфической библиографической деятельности, известной под названием *Bulgarica*. Из этого определения видно, что к болгарике относятся лишь иноязычные материалы печати, по содержанию связанные с Болгарией и болгарским народом: «решающим в данном случае является предмет и язык, на котором написано произведение»⁴⁶. Все иные критерии (связь авторская, связь по языку), хотя и представляющие, по мнению автора, определенный библиографический интерес, признаются присущими репертуару болгарской печати либо иной особой библиографии. При этом, однако, делается оговорка относительно переводов произведений болгарских авторов, которые в этом смысле составляют исключение и занимают «особое положение»⁴⁷.

Ограничение объекта болгарики материалами страноведческого характера, по-видимому, традиционно для болгарской библиографии. В ее истории традиция библиографирования болгарики воплотилась главным образом в известных трудах выдающегося болгарского библиографа акад. Н. Михова, имевших страноведческий характер⁴⁸. Деятельность Н. Михова, заложившего здесь прочные основы, имея, по свидетельству болгарских библиографов, неограниченное научное значение, оказывает влияние и на последующее продолжение этой работы⁴⁹.

В статье В. Трайкова подробно рассматриваются всевозможные библиографические источники, полезные для ретроспективного и текущего разыскания «болгарики» (в т. ч. общая текущая и ретроспективная учетно-регистрационная библиография многих стран, отраслевая, в особенности историческая и краеведческая библиография, сводки официальных изданий, указатели архивных материалов, источники международной библиографии, указатели к журналам, каталоги библиотек и т. п.).

«Зарубежная литература, — отмечает В. Трайков, — не представляет для нас одинакового интереса. Наибольший интерес имеет советская и русская литература. Поэтому надо начинать с нее»⁵⁰, затем интересна литература балканских стран, особенно стран, вступивших

библиографски институт Елин Пелин. IV. 1954. София, 1956, стр. 43—66. См. также его же: Неиспользованный источник. — «Отечествен фронт», 1959, 14 февр.

⁴⁶ Трайков В. *Bulgarica...*, с. 44.

⁴⁷ «Сами по себе, — пишет В. Трайков, — они не принадлежат к *Bulgarica*'e. Зачастую эти произведения касаются в целом или частично разных проявлений жизни нашего народа, нашей страны, нашей деятельности. В этом отношении они близко стоят к материалу, который включается в *Bulgarica*'y. К ним существует оправданный интерес: переводы на иностранные языки — свидетельство интереса за границей к болгаристике. Эти произведения болгарских авторов, переведенные и изданные за рубежом, требуют учёта и собрания. Они представляют обособленную группу в общих границах *Bulgarica*'и» (там же).

⁴⁸ Михов Н. В. Библиографски източници за историята на Турция и България. Т. I—IV. София, Б-ка Акад. наук, 1914—1934. Указатель содержит 1585 библиографических источников по истории Болгарии и Турции на нем., франш., англ., итал., лат. и др. яз. Другой основной труд Николы В. Михова: Michoff N. V., *Bibliographie des articles de périodiques allemands, anglais, français et italiens sur la Turquie et la Bulgarie*. Sofia. 1938.

⁴⁹ Следует всё же оговориться, что определение «страноведческая» применительно к «болгарике» несколько условно, ибо ее предметом признается не только литература о Болгарии как стране, но и о болгарском народе, о болгарях вообще, хотя бы и живших за пределами Болгарии.

⁵⁰ Трайков В. *Bulgarica...*, с. 50.

на путь социализма; в дальнейшем «охват *Vulgaris*'и может постепенно расширяться по кругу — от небольшого числа государств к большому, от близких к более далеким»⁵¹. Таким образом, сложную и широкую работу по собиранию и текущему учету болгарики автор считает нужным поделить на ряд последовательных этапов.

«Разработка библиографических сведений об изданиях на иностранных языках, посвященных Болгарии и болгарскому народу, не является самоцелью. Она сыграет свою роль, если собранные материалы будут предоставлены в широкое пользование нашей науке и общественности»⁵². Поэтому сведения о болгарике не должны оставаться лишь в картотеках, а должны публиковаться в виде указателей текущего и ретроспективного характера. Отмечая, что формы этих указателей могут быть очень разными, В. Трайков пишет, что текущая библиография может издаваться в форме систематических ежегодников (с подразделением по государствам), а ретроспективная библиография — и в виде «томов-дополнений к подготавливаемому в Болгарском библиографическом институте полному репертуару болгарской книги. До целостного составления болгарики можно прибегнуть и к некоторой промежуточной форме опубликования, для чего самым подходящим является Годишник библиографического института»⁵³.

Следовательно, статья В. Трайкова касается широкого круга вопросов текущего и ретроспективного библиографирования болгарики, хотя, как нам кажется, в ней основной упор (напр., при рассмотрении круга источников) сделан на ретроспективную библиографию и меньше внимания уделено специфике текущего библиографического учета, что наложило своей отпечаток и на определение самого объекта «болгарики», как иноязычных материалов о Болгарии и болгарском народе, независимо от места издания.

Теоретическое рассмотрение проблемы болгарики имело практические результаты. Так, начиная с 1958 г., Институт Елин Пелин — центр государственной библиографии Болгарии — непосредственно приступил к разработке библиографии болгарики, как одной из своих важных задач⁵⁴. Был начат текущий обмен библиографическими материалами страноведческого характера с СССР и странами народной демократии⁵⁵, успешно завершилась начатая В. Трайковым работа над указателем переводов болгарской художественной литературы на иностранные языки⁵⁶. Отчеты о работе Института за 1959 и 1960 г. свидетельствуют о постепенном расширении регистрации болгарики, которая ведется ныне в плане составления ретроспективных двусторонних (румыно-болгарских, немецко-болгарских и т. п.) библиографий на основе международного библиографического сотрудничества⁵⁷. На этой основе — в кооперации с фундаментальной Библиотекой общественных наук (Москва) — уже составлена капитальная библиография «История Болгарии». Таким образом положено начало большой работы. Как пишет В. Трайков, «большая и важная задача целостного и организованного собирания всевозможного материала, относящегося

⁵¹ Трайков В., указ. соч., с. 50.

⁵² Там же, с. 66.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См. Отчет о работе Института за 1958 год в изд.: Годишник на Българския библиографски институт Елин Пелин. VII. 1958—1960. София, 1961, с. 155.

⁵⁵ Во исполнение решений Международной библиографической конференции (Варшава, сентябрь 1957 г.).

⁵⁶ Трайков В. Българска художествена литература на чужди езици. 1944—1957. Библиографски указател. София, «Наука и изкуство», 1958. 160 с. (Български библиографски ин-т «Елин Пелин»).

⁵⁷ См. Годишник... VII. 1958—1960. София, 1961, с. 166, 178.

к *Bulgaric'e*, должна быть разрешена вполне. Благоприятные предпосылки к тому налично: библиографическое дело в Болгарии не является делом частной инициативы, оно признано государственным делом, руководимым и действительно поддерживаемым народной властью. Это благоприятное для нашей библиографии положение делает возможным текущую регистрацию всего, что в настоящее время пишется на иностранных языках о Болгарии и болгарском народе. Одновременно это дает возможность разработать и сделать достоянием науки иностранную литературу о Болгарии за прошлое время. В этом направлении болгарская библиография выполнит еще одну важную задачу и еще больше послужит продвижению вперед родной болгарской науки»⁵⁸.

2. О понятии «полоника» и ему подобных⁵⁹

Объяснение понятия „*polonica*“ находим в «Словаре библиотекаря», вышедшем в Польше в 1955 г. Объяснение это однако столь же безгранично, сколь и лаконично: „*Polonikum, polonica, — książka, napisana w Polsce lub po polsku lub przez Polaka lub o Polsce*“⁶⁰, что означает «книга, написанная в Польше, либо на польском языке, либо поляком, либо о Польше». Такое определение «полоники» связано с исторически сложившимися традициями национальной библиографии в Польше, формирование которых обусловила трудная историческая судьба и национально-освободительная борьба польского народа, пережившего полуторавековую трагедию национального порабощения. Как правильно подчеркивает И. В. Гудовщикова, «в этих условиях перед польской библиографией, в развитии которой принимали участие многие выдающиеся прогрессивные деятели национальной культуры (Ф. Бентковский, Е. С. Бандтке, И. Лелевель, А. Йохер, Кароль и Станислав Эстрейхеры и др.) была поставлена большая и благородная задача. Она должна была выявить и закрепить достижения польской культуры, продолжавшей развиваться и сохранявшей свое единство»⁶¹.

Знаменитая «Польская библиография», вышедшая в 34 томах в 1872—1951 гг., учитывает все польские (на польском языке) книги, где бы они ни были изданы, книги, изданные в Польше, независимо от языка, книги, написанные поляками за рубежом на разных языках, и книги о Польше, изданные за рубежом (фактически — независимо от места издания и языка) от начала книгопечатания до 1900 г.⁶²

Традиции, заложенные Каролом Эстрейхером (1827—1908), успешно развиваются ныне в Народной Польше в свете задач социалистического строительства. Создаваемое в наши дни так называемое «Продолжение Эстрейхера» охватывает материалы за 1901—1955 гг. по тем же принципам, что и основная библиография⁶³.

В докладе проф. А. Кавецкой-Грычевой — польского делегата на Международной библиографической конференции в Варшаве (1957) — в связи с изложением проблем составления польскими библиографами ретроспективной национальной библиографии более подробно раскрыто

⁵⁸ Годишник... VII. 1958—1960, с. 66.

⁵⁹ Применительно к произведениям печати в библиографической литературе эти термины употребляются порой не только в единственном, но и во множественном числе: «полоники», «богемики», «словакумы», т. е. под полоникой понимается совокупность полоник и т. п.

⁶⁰ Więckowska H., Pliszczynska H. *Podręczny słownik bibliotekarza*. Warszawa, 1955, s. 139.

⁶¹ Гудовщикова И. В. Библиография в европейских странах народной демократии. Л., 1960, с. 37—38.

⁶² *Estreicher K. Bibliografia polska. Seria I—III, T. 1—34. Kraków, 1872—1951.*

⁶³ Гудовщикова И. В. О понятии «национальная библиография». — «Сов. библиография», 1959, № 5(57), с. 87.

содержание выражения «полоникум»: «...Мы принимаем укоренившееся в Польше понятие «полоникум», вводя, однако, смысловую градацию. Мы различаем полоникум в собственном смысле слова — произведения печати, изданные на польских землях, произведения авторов — поляков, изданные в Польше и за ее пределами, издания на польском языке и, наконец, иностранные книги, посвященные Польше, и — полоникум «косвенный», как, например, произведения иностранных авторов (и пишущих на иностранных языках), создававших свои произведения в Польше; книги, в какой-то мере связанные с Польшей (отдельные разделы в книгах, касающиеся Польши, за исключением издания типа энциклопедий и библиографий универсального характера)»⁶⁴.

Охватив все возможные категории печатных материалов, связанных с Польшей по языку, по месту издания, авторски и по содержанию, определение А. Кавецкой-Грычевой, по сути дела, даже несмотря на введение «смысловой градации», мало что прибавляет к определению, данному в «Словаре библиотекаря», хотя и не столь лаконично. Сама попытка введения «смысловой градации» знаменательна: она свидетельствует, что оперировать таким чересчур широким понятием нелегко, его требуется расчлнить и конкретизировать.

И, действительно, на практике, прежде всего в области текущей польской национальной библиографии, с тех пор как ей придан характер государственной, т. е. территориально построенной библиографии⁶⁵, происходит конкретизация понятия «полоника», и к ней относятся лишь оставшиеся за рамками государственной библиографической регистрации материалы полоники (они также часто именуются точнее — «заграничной полоникой»). В библиографиях польской библиографии (в этой области в Польше имеются в послевоенное время значительные успехи) «полоника» выделяется в разделе «Общая библиография» (а не в разделах краеведческой, страноведческой или иной библиографии) в виде особой рубрики, объединяющей библиографические материалы, посвященные не собственно польским, а связанным с Польшей, но изданным за ее пределами материалам печати⁶⁶.

⁶⁴ Кавецкая-Грычева А. Актуальные проблемы национальной ретроспективной библиографии в Польше. — «Библиотечное дело в странах народной демократии» (Информ. материалы), 1957, № 3, с. 57.

⁶⁵ Составлявший Национальную библиотеку в Варшаве с 1928 по 1939 гг. еженедельный «Официальный указатель произведений печати» регистрировал на основе обязательного экземпляра всю вновь издаваемую в Польше печать, но вначале, в 1928—1929 гг., в нем учитывались также книги на польском языке, поляков и о Польше, независимо от языка, изданные за рубежом и поступавшие в библиотеку («Заграничные полоники»). С восстановлением текущей библиографической регистрации после войны (с 1946 г.) эту традицию предполагали продолжить, о чем можно судить как по предисловию В. Вреля-Верчинского к первому послевоенному выпуску «Библиографического путеводителя» (нынешнего органа текущей национальной библиографии Польши), так и по подзаголовку «Биб. путеводителя» в первые послевоенные годы: в 1946—1947 гг. его полное название было «Библиографический путеводитель. Официальный указатель произведений печати, изданных в Польской республике, а также заграничной полоники, составленный Национальной библиотекой». Однако с 1949 г. указание на заграничную полонику в названии «Путеводителя» снимается, и он становится органом текущей учетно-регистрационной библиографии, построенной на территориальном принципе. С этой поры полоника рассматривается лишь как желательное приложение (дополнение) к учету материалов, изданных в стране. Следует отметить, что на общепольской конференции библиографов в феврале 1956 г. было решено издавать текущую библиографию зарубежной полоники в виде приложения к «Библиографическому путеводителю».

⁶⁶ См. Hahn W. Bibliografia bibliografii polskich. Wydanie 2 znacznie rozszerzone. Wrocław, Zakł. im. Ossolińskich, 1956, XXII, 615 s.; Bibliografia bibliografii i nauki o książce. Bibliographia Polonia bibliographica. R. I (1945—1946). Warszawa, Biblioteka Narodowa. Instytut bibliograficzny, 1955; Eychler B. Wykaz polskich bibliografii nie opublikowanych (planowanych, opracowanych i ukończonych). — „Biuletyn Instytutu bibliograficznego”. Warszawa, 1961, t. VII, Nr. 1, s. 1—140.

Ныне зарубежная полоника регистрируется в специальных карточках в Отделе ретроспективной библиографии Библиографического института (при Национальной библиотеке), который ведет как ретроспективное, так и текущее библиографирование полоники, прежде всего советской и стран народной демократии, чему способствует и начавшийся с 1958 года обмен соответствующей библиографической информацией с библиографическими центрами СССР и братских социалистических стран; на основе собранных материалов готовятся издания библиографии полоники (вышла за 1956 год, редактируются за 1957—1958 гг.⁶⁷).

Следует также отметить издание бюллетеня «Полоника в СССР», выпускаемого с 1956 г. Польско-советским институтом при Главном правлении Общества польско-советской дружбы (6 раз в год, ротационный⁶⁸).

Таким образом, налицо выделение «полоники» в узком смысле («Заграничная полоника») из более широкого понятия, положенного в основу общей национальной библиографии, что, во-первых, наглядно характеризует динамику развития общей учетно-регистрационной национальной библиографии в конкретных польских условиях и, во-вторых, иллюстрирует тенденцию к более четкому пониманию и развитию библиографии полоники как особой части национальной библиографии, необходимой в интересах роста польской науки, культуры, библиографической работы.

По широте охвата материалов печати, по непосредственной связи с проблематикой общей национальной библиографии, а также и по тенденции к дифференцированному толкованию аналогичны «полонике» понятия «богемика» (=богемикум) и «словакум», употребляемые библиографами Чехословакии⁶⁹.

Так же, как и в Народной Польше, подъем библиографического дела в стране, забота о возможно более полном библиографическом обслуживании потребностей бурно развивающихся в условиях социалистического строительства экономики, науки, культуры и широко развернувшаяся в связи с этим работа по созданию (параллельно) общих чешской и словацкой учетно-регистрационных библиографий⁷⁰ побудили в последние годы библиографов Чехословакии вплотную заняться проблемой «богемики» и «словакума» в их историческом и теоретическом аспектах. Об этом свидетельствует ряд статей, появившихся в чехословацкой специальной печати, которые заслуживают пристального внимания.

Так, в статье Фр. Горака⁷¹ (директора Фундаментальной б-ки Академии наук Чехословакии) дан подробный анализ имеющихся в литературе определений термина «богемикум», который приводит автора к выводу, что этот термин, существующий уже с XIX в. в отраслевых библиографических, исторических и иных монографиях, возникает в

⁶⁷ См. указанную выше работу Б. Эйхлер, с. 10—12.

⁶⁸ Polonica w ZSSR. Warszawa, 1956 — (Inst. Polsko-Radziecki przy Zarządzie Głównym Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej).

⁶⁹ Существует также совокупный термин «богемо-словеника», отражающий двунациональный характер Чехословакии в области библиографии (см. Кунц Я., выше доклад, с. 114).

⁷⁰ См. Кунц Я. Состояние и задачи ретроспективной библиографии в Чехословакии. — «Библиотечное дело в странах народной демократии» (Информ. материалы), 1957, № 3, с. 112—125; Штефаник Я. Состояние и задачи словацкой национальной ретроспективной библиографии. — Там же, с. 126—135; Мыльников А. С. Некоторые черты современной чехословацкой библиографии. — «Библиотечное дело и библиография за рубежом», вып. 5, 1960, с. 119—144.

⁷¹ Horák Fr. Pojem bohemikum. — Česká bibliografie. Sborník statí a materiálů. Sv. I. Praha, 1959, s. 9—18.

связи с деятельностью выдающегося чешского ученого и библиографа Й. Добровского (1753—1829), в связи с созданием Национального музея, его библиотеки и «Журнала чешского музея». «Как член Совета Чешского музея Й. Добровский разработал богемикальную программу его библиотеки, в которой основной задачей был поставлен учет старой и новой чешской литературы в самом широком смысле слова. Это толкование понятия «богемикум» осталось, по сути дела, без существенных изменений до сих пор. Й. Добровский различает пять видов литературы «богемики»: 1) рукописи и произведения печати на чешском языке (*bohémica česka*). К ним относятся также грамматики, словари и иная многоязычная литература, если в ней есть чешская строчка; 2) рукописи и произведения печати, написанные и изданные в Чехии; 3) рукописи и произведения печати, написанные или изданные за пределами Чехии, но связанные с нею (произведения исторические, географические, художественные и т. д.); 4) иллюстративный материал: краеведческий, документальный и портретный, а также труды по искусству и печати; 5) книги, написанные чешскими авторами за пределами Чехии и содержащие материал, который не касается Чехии (касается вопросов, не относящихся к Чехии)»⁷².

По мнению Фр. Горака, понятие «богемики» с современной библиографической точки зрения охватывает эти же, указанные Й. Добровским, категории материалов, взятые в их совокупности, и, следовательно, проблема «богемики» есть проблема охвата материалов печати в национальной библиографии⁷³. Фр. Горак стоит за широкое и равнозначное понимание содержания терминов «богемика» и «национальная библиография», однако основное внимание уделяет вопросу библиографического учета «иностранных богемик», выделяя их в особый, наиболее сложный по своей проблематике раздел национальной библиографии. Автор считает, что издания типа «Указателя иноязычных богемик»⁷⁴ являются необходимой составной частью «нашей национальной библиографии»⁷⁵, и на многочисленных примерах из истории чешской культуры и печати доказывает, что публикации чешских авторов на иностранных языках⁷⁶, а также иноязычные издания, по своему содержанию касающиеся Чехии в каком-либо (географическом, историческом, социальном, культурном и т. п.) отношении, необходимы для всестороннего познания Чехии и культурного творчества чешского народа.

Таким образом, в статье Фр. Горака «богемика» выступает как сумма всех материалов печати, так или иначе связанных с Чехией (по

⁷² Hořák F., указ. соч., с. 11—12.

⁷³ „С библиографической точки зрения богемикальные библиографии суть библиографии национальные, а этот вид библиографии в развитии мировой библиографии имеет свои масштабы» (Там же, с. 12).

⁷⁴ Имеется в виду указатель, над составлением которого с 1954 года работает Фундаментальная б-ка АН ЧССР. Указатель рассматривается как дополнение к монументальной библиографии чешской и словацкой литературы, составляемой той же библиотекой (см. о нем в докладе Кунца Я. «Составление и задачи ретроспективной библиографии в Чехословакии»).

⁷⁵ Осветив проблемы, связанные с составлением национальной библиографии по принципу языка («чешская богемика»), Фр. Горак пишет: «Намного больше проблем встает перед нами при понимании национальной библиографии в более широком смысле слова, в нашем случае — при рассмотрении «Указателя иноязычных богемик». Уже само существование подобной библиографии выдвигает вопрос: является ли это вообще нашей национальной библиографией? Я убежден, что является». (Там же, с. 14).

⁷⁶ «Наша обязанность, — пишет Фр. Горак, — исследовать и выявить зарубежные издания наших авторов, принадлежность которых к нашей культуре бесспорна, таких, которые добились мировой славы, как Ян Гус, Ян Амос Коменский, Йозеф Добровский и, например, для Коменского должны быть учтены и все его сочинения, которые он написал и издал в течение его долгого пребывания на чужбине». (Там же, с. 16).

сути дела, независимо от места издания и языка) совпадая по своему объему с масштабами полной национальной библиографии в самом широком смысле слова. Однако при этом подчеркивается, что «богемика» в целом состоит из отдельных частей (направлений), имеющих свою специфику и проблематику, требующих внимательного изучения и разработки конкретных библиографических методов; некоторые части «богемики» выделяются и объединяются (правда, недостаточно отчетливо) в понятие «зарубежная богемика», которому в статье и уделяется основное внимание.

Другая статья о понятии «богемика»⁷⁷ является также попыткой характеризовать категории материалов, относящиеся к этому понятию, четче определив его границы в библиографической трактовке. Это понятие, по мнению автора, является комплексным и может быть определено с различных точек зрения: 1) с точки зрения языка: каждая публикация на чешском языке; 2) с точки зрения территории: издания, вышедшие на территории Чехии (здесь затронута проблема границ чешской земли в разные периоды истории Чехии); 3) с точки зрения происхождения авторов; произведения печати, написанные чехами (в связи с этим автор рассматривает вопрос о писателях чешского происхождения, писавших за границей и на иностранных языках; по его мнению, свидетельством их принадлежности к чешской национальности может быть лишь их собственное признание в этом); 4) с точки зрения тематической: произведения печати, касающиеся по содержанию Чехии и чехов.

Аналогичную работу по уточнению содержания библиографического термина «словакум» в связи с работой над созданием ретроспективной национальной библиографии⁷⁸ провели несколько раньше словацкие библиографы. В статьях под общим заглавием «Разновидности понятия «библиографический словакум» и их содержание»⁷⁹ отмечается, что «словакум» охватывает все произведения печати, которые каким-либо образом касаются Словакии и словацкого народа. Общий «словакум», понимаемый очень широко, делится на ряд частных, в которых общее понятие, как и в указанной выше статье Й. Едличка, сужено более конкретными определениями: характеризуются «языковый», «авторский», «по содержанию», «территориальный» и «собственночешский» словакумы. Последнее означает «книгу, которая находится (или была) в собственности лица-словака либо организации, находящейся в Словакии, либо словацкой организации за рубежом»⁸⁰. На наш взгляд, эта группа материалов печати (а о ней применительно к «богемике» говорит и Фр. Горак) едва ли заслуживает упоминания с библиографической точки зрения.

Для уяснения проблематики, связанной с библиографированием (в основном ретроспективным) «зарубежных словакумов по содержанию», большой интерес представляет статья Й. Кузмика⁸¹, основанная на богатом опыте работы по составлению соответствующих указателей, уже созданных Матицей Словацкой в Мартине⁸². Разъясняя в первой

⁷⁷ Jedlička J. K pojetí bohemia. — Česká bibliografie. Sborník statí a materiálu. Sv. 2. Praha, 1961, s. 32—44.

⁷⁸ Stefaník J. Stav, úlohy a výhledy slovenskej narodnej retrospektívnej bibliografie. — В кн.: Knižovna. Vědecko-theoretický sborník. Praha, 1957, s. 71—90.

⁷⁹ Druhy pojmu „knihovedné slovákum“ a ich obsah. — „Knižnica“, 1957, roč IX, N. I, s. 17—26.

⁸⁰ Там же, с. 26.

⁸¹ Kuzmík J. Problémy bibliografie inorečovej literatúry týkajúcej sa slovenských vecí. — В кн.: Bibliografický sborník 1959. Martin, Matica Slovenská, 1959, s. 201—248.

⁸² Kuzmík J. Bibliografia slovenských kníh týkajúcich sa slovenských vecí, vydaných od 16 stor. od r. 1955. Martin, Matica Slovenská, 1959. XVI, 456 s. Библиография славянских книг, касающихся Словакии, изданных с XVI века до 1955 г.

главе понятие «иноязычный словакум по содержанию» (иноязычные труды, касающиеся своим содержанием Словакии и словацкого народа), автор считает, что в библиографической работе это понятие требует дальнейшей дифференциации и предлагает различать: **«территориальные словакумы по содержанию»** (касающиеся территории Словакии) и **«этнические»** (касающиеся словаков вне Словакии); **«исключительные»** (монографии, целиком посвященные Словакии и словацкому народу) и **«частичные»** (произведения, в которых лишь отдельные главы посвящены Словакии); **«самостоятельные»** (книги, музыкальные сочинения в целом) и **«статьи»** (аналитика). В статье дана подробная характеристика методов составления выполненных автором ретроспективных указателей, а также раскрываются принципы работы над созданием генеральной ретроспективной библиографии иноязычной литературы о Словакии, которая начата Матицей Словацкой.

Таким образом, библиографы Чехословакии подходят к проблеме библиографирования «богемики» и «словакума» в основном с позиций общей национальной библиографии, трактуя последнюю так же, как и интересующие нас термины, одинаково широко. Примечательно, однако, что при этом внимательно анализируется специфика составных частей понятий «богемика», «словакум» и, в соответствии с конкретными историческими условиями развития национальной культуры в прошлом, а также в связи с потребностями современной науки, устанавливаются необходимые границы библиографической работы, которая ведется весьма интенсивно.

Важно и то, что принцип «богемики» последовательно проводится в жизнь не только в ретроспективной национальной библиографии, но и применительно к текущей библиографической регистрации. Известно, что чехословацкая государственная библиография, располагающая уже развитой системой изданий, аналогичных нашим летописям, в 1957 году дополнилась ежегодником «Зарубежная богемика» с подзаголовком, раскрывающим его основное содержание: «Произведения чехословацких авторов в переводах на иностранные языки и произведения иностранных авторов с чехословацкой тематикой, которые поступили в Национальную библиотеку в году»⁸³.

Широкое понимание терминов, подобных «полонике», «богемике» и т. п., встречается и у нас в стране. Так, например, в Казахстане, в Государственной Республиканской библиотеке им. А. С. Пушкина выделен фонд литературы, именуемой «казахстаникой» (к 1961 году насчитывал свыше 64 тысяч экз.)⁸⁴, в котором собраны все книги на казахском языке, независимо от их содержания (свыше 32 тыс. экз.),

Зарегистрировано 4402 книги; среди них — 321 русская, 69 украинских, 2 белорусские, 3437 чешских, 358 польских, 10 лужицко-сербских, 46 сербских, 80 хорватских, 52 болгарские и др. Kuzmík J. Bibliografija knih v západných rečiach týkajúcich sa slovenských vecí, vydaných od 16 stor. do r. 1955. Martin, Matica Slovenská, 1959. 420 s. Библиография книг, напечатанных на языках Запада и касающихся Словакии, изданных с XVI века до 1955 г. Всего учтено 4113 изданий, в т. ч. 540 английских, 2109 немецких, 28 голландских, 625 французских, 46 испанских, 493 латинских и др. Кроме того, подготовлена к изданию: Библиография книг, написанных на языках Востока, касающихся Словакии. В ней зарегистрировано, по свидетельству автора, 4200 венгерских, 10 финских, 18 китайских и др. публикаций.

⁸³ Zahranicni bohémika 1956. Dila čsl. autoru prelož. do cizich jazyku a dila cizich autoru s čsl. tematikou, došla do Nar. Knyhovny v roce 1956. Zprac. V. Nevořarová s. kol. Praha, Národní Knihovna, 1957. 31 s. (Bibliografický katalog CSR. 1957, České knihy. Zvl. seš. 4). В 1962 году вышел уже 6-ой выпуск.

⁸⁴ Материалы Гос. Республиканской б-ки Казахской ССР к Проекту Положения о работе республиканских библиотек с краеведческой литературой (от 7.X.1951 г. за подписью директора ГРБ Е. Шмелевой и зав. справочно-библиогр. отд. В. Андроникова). Машинопись, 5 л. — Хранится в Научно-метод. отд. библиотекосведения и библиографии Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

и книги на русском языке, целиком посвященные республике (свыше 32 400 экз.). В практике работы библиотеки сложилось широкое определение «казахстаники» как синонима «национальной библиографии». «Под национальной библиографией, — пишут сотрудники библиотеки, — мы понимаем библиографию произведений печати, имеющих отношение к Казахстану по содержанию, по месту издания или по языку»⁸⁵.

В послевоенное время эта библиотека параллельно с библиографированием национальной литературы (составление сводной библиографии «Книга Советского Казахстана») развернула весьма значительную работу по регистрации литературы о Казахстане, изданной за его пределами (в основном, на русском языке). Бурное развитие экономики и культуры Казахстана, его растущая роль в семье братских народов СССР вызвали рост интереса специалистов, научных работников, партийных и советских организаций к текущей литературе о республике, о ее связях с братскими народами. Ответом на требования читателей и библиотек явился выпуск (с 1952 года) информационных ежегодников «Казахстан. Библиография за год»⁸⁶.

Ежегодник был задуман как прямое дополнение к системе органов государственной библиографии, выпускаемых республиканской Книжной палатой⁸⁷. Однако профиль его не был постоянным и, хотя основным был принцип возможно более полной регистрации произведений печати, связанных с Казахстаном тематически либо авторски, но изданных за его пределами, все же в отдельные годы были существенные отступления от этого принципа: регистрировалась также литература на казахском и русском языках, изданная в самом Казахстане. Так, в выпуске за 1955 г. произведена попытка объединения всей литературы о Казахстане, вышедшей за его пределами на русском языке с «важнейшей» литературой о республике, опубликованной в ней самой (местной печатью). Эта попытка, предпринятая в ответ на пожелания читателей видеть в одном пособии литературу о республике, независимо от места издания, оказалась неудачной, ибо увеличила объем ежегодника почти в три раза, привела к значительной задержке его издания, а также к явному дублированию работы республиканской Книжной палаты, выпускающей «Летопись печати Казахской ССР». Вот почему от такого объединения литературы составители ежегодника уже в следующем году отказались, вернув ему первоначальный характер дополнения к органам государственной библиографии республики. Ныне исключение делается лишь для материалов из областных газет республики, поскольку последние не отражаются в органах Книжной палаты. Практика издания ежегодника с ее колебаниями в охвате материала наглядно

⁸⁵ Там же, л. 2. Составными частями национальной библиографии, по их мнению, являются: 1) краеведческая библиография, т. е. библиография литературы о республике, изданной а) на территории республики; б) на территории других союзных республик; в) в зарубежных странах; 2) библиография местной печати, отражающая литературу, вышедшую на территории республики, независимо от ее содержания и языка (в условиях союзных республик эта литература отражается, главным образом, в органах государственной учетно-регистрационной библиографии); 3) библиография литературы на казахском языке, изданной вне Казахстана, независимо от ее содержания; 4) библиография работ казахстанских авторов, по содержанию не относящихся к Казахстану, опубликованных в печати союзных республик и за рубежом. (См. там же.)

⁸⁶ Казахстан. Библиография за год. Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1953—... (Гос. Респ. б-ка Казах. ССР им. А. С. Пушкина). В период с 1953 по 1962 г. вышли ежегодники за 1952—1957 гг.

⁸⁷ Это отмечалось в предисловиях к ежегоднику. См. также: Царев Г. П. Наш опыт составления ежегодника «Казахстан». — «Сов. библиография», 1959, № 4(56), с. 56.

отражает неизученность основных теоретических вопросов о виде, назначении и специфике подобной библиографии, неправомерность предъявления к ней требований только краеведческой библиографии и вытекающие отсюда методические трудности для ее составителей⁸⁸.

Требуется особое изучение постановка вопроса о библиографии «украиники» в двадцатые годы на Украине. С этим термином связывалась в 1925—1930 гг. проблема составления общей национальной библиографии, активно обсуждавшаяся в то время и на страницах библиотечно-библиографической печати⁸⁹, и на конференциях библиотечных работников Украины⁹⁰. Однако идею составления ретроспективного репертуара «украиники» характеризовали существенные противоречия и крайний максимализм, граничавший с расплывчатостью⁹¹; в результате она не вышла из стадии общих проектов.

3. О понятиях «россика» и «советика»

В заключение следует особо остановиться на терминах «россика» и «советика», не вдаваясь, однако, в подробный анализ всех относящихся к ним библиографических фактов и связанных с ними проблем. В «Словаре книговедческих терминов» даны следующие краткие определения этих понятий:

«Россика (Rossica) — литература о России. Например, «Россика» Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. См. также Советика»⁹².

«Советика (Sovietica) — 1) литература о Советском Союзе (после Великой Октябрьской социалистической революции); 2) в широком смысле — литература о Советском Союзе, включая и литературу о России до 1917 г., т. е. россику. См. также Россика»⁹³.

Эти определения кажутся нам недостаточно точными по двум причинам: 1) в них вслед за определяемым предметом, по существу, пропущено необходимое ограничение, а именно: литература, либо «на иностранных языках», либо «изданная вне России», «опубликованная

⁸⁸ Об этих трудностях пишет Г. П. Царев в указанной выше статье, отмечая, что, например, «уже при работе над первым выпуском ежегодника в намеченных к обследованию источниках было выявлено большое количество некраеведческих работ казахстанских авторов. Перед составителями встал вопрос, следует ли включать эти работы в ежегодник и тем самым несколько менять его краеведческое направление. Несмотря на возражение отдельных библиотечных работников, составители нашли нужным регистрировать в ежегоднике некраеведческие труды, написанные казахстанскими авторами, так как они характеризуют развитие научной мысли в республике и, кроме того, в будущем выйдут как составная часть в национальную библиографию» («Сов. библиография», 1959, № 4(56), с. 56).

⁸⁹ См., напр., Маслов С. Объем та план українського бібліографічного репертуару XVI—XVIII вв.—Бібліотечний Збірник, ч. 3, Київ, 1927, с. 60—64; Сагарда М. Основні проблеми українського бібліографічного репертуару.— Там же, с. 43—59; Меженко Ю. Теоретичні передумови організації української бібліографічної роботи.— «Бібліологічні вісті», 1926, № 4(13), с. 48—57; Актуальні питання української бібліографії.— «Життя і революція», 1927, № 9, с. 284—287; Годкевич М. А. Организация библиографической работы на Украине.— В сб.: Библиография в СССР и книжные палаты. Харьков, 1928, с. 85—136; Постернак С. П. До дискусії про український бібліографічний репертуар.— «Журнал бібліотекознавства та бібліографії», 1928, № 2, с. 87—95; Иноземцев П. Проблема національної бібліографії на Україні.— «Бібліологічні вісті», 1929, № 2—5 (19—20), с. 5—25.

⁹⁰ Рубинштейн С. Л. Завдання наукової бібліографії на Україні.— Бібліотечний збірник, ч. 1. Праці першої конференції наукових бібліотек УССР. Київ, 1926, с. 59—60.

⁹¹ Это отмечалось в свое время М. А. Годкевичем: см. указанную выше его статью, с. 133.

⁹² Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов. Для библиотекарей, библиографов, работников печати и книжной торговли. М., 1959, с. 257.

⁹³ Там же, с. 272.

за пределами Советского Союза», и 2) они ограничивают предмет «россики» и «советики» лишь материалами о стране. В целом на основании таких определений библиографию «россики» и «советики» следует отнести к страноведческой библиографии, что представляется нам спорным, не вполне соответствующим характеру и объему той регистрационной работы, которая подразумевается под этими понятиями.

Факты библиографирования «россики» и «советики» (текущего или ретроспективного), к сожалению, до сих пор никем специально не изучались. Небольшие (и неполные) обзоры «россики» помещены лишь в старых энциклопедических словарях (1891 и 1903 гг.)⁹⁴, причем в них к «россике» отнесены не только указатели, в самом названии которых приведено интересующее нас понятие, но и некоторые указатели русских изданий за границей и изданий сочинений русских писателей на иностранных языках. В советское время содержательный обзор библиографических изданий «россики», предназначенный для историков, впервые сделан А. Н. Веревкиной в 1958 г.⁹⁵ По существу, разыскание библиографических материалов «россики» и «советики», не говоря уже об их критической оценке, установление источников, из которых эти материалы можно извлечь, производится нашими библиографами каждый раз заново, как только библиотеки сталкиваются с необходимостью использовать эти материалы. Не только с теоретической, но и с практической точки зрения было бы полезно внимательно проследить давнюю традицию библиографирования «россики» в истории русской библиографии⁹⁶, выяснив ее научное значение и возможности нового развития в наши дни.

Отметим лишь основные моменты, касающиеся содержания и развития этих понятий.

С самого начала, еще с труда Адама Селлия⁹⁷, тесно связанная с развитием русской исторической библиографии (это хорошо показано в упомянутом обзоре А. Н. Веревкиной), «россика» в России зачастую становилась также одной из задач общей русской библиографии, дополнением к библиографии русской печати⁹⁸. Так, примечательно, что идея создания полного репертуара русских книг при своем зарождении связывалась с идеей составления «россики», о чем свидетельствует сообщение, помещенное в «Собрании новостей» в декабре 1775 г. и исходившее от анонимного общества «любителей российского словесного учения»⁹⁹. В дальнейшем, в ходе развития русской библиографии, ре-

⁹⁴ Яновский А. Библиография. В изд.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 6, 1891, с. 768—769; Лисовский Н. М. Библиография. В изд.: Большая энциклопедия, т. 3, 1903, с. 194.

⁹⁵ Веревкина А. Н. Библиографические указатели зарубежной исторической литературы о Советском Союзе. — «История СССР», 1958, № 1, с. 221—229.

⁹⁶ Известно, что проблемой «россики» интересовались многие крупные русские библиографы XIX в. — начала XX в., в том числе Ф. П. Аделунг, Г. Н. Геннади, Н. М. Лисовский, В. И. Межов, А. Н. Торопов и др.

⁹⁷ Впервые труд А. Селлия (1695—1746) был издан в 1736 г. в Ревеле на латинском яз. под заглавием „Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrant“. В русском переводе книга появилась лишь в 1813—1815 гг. в Москве: Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю, сочиненный Адамом Селлием. Переведен в Вологодской губернии. М., 1815. 68 с.

⁹⁸ Эта линия в обзоре А. Н. Веревкиной не получила освещения.

⁹⁹ В сообщении был выдвинут замечательный проект: «Общество наше охотно желает выдать в свет генеральный и систематический каталог всех напечатанных книг на российском языке с тех пор, как заведены в России типографии... Сверх того припечатан будет каталог чужестранным книгам историческим, политическим и географическим, до России касающимся, кои только есть на других языках, особо же на французском и немецком». Н. В. Здобнов по поводу сообщения пишет, что оно «замечательно во многих отношениях», в том числе и потому, что «впервые ставилась задача составления „Rossica“, кстати сказать, реализованная Публичной

гистрация «россики», сохраняя научную актуальность¹⁰⁰, отодвигается первоочередной задачей учета русской печати на второй план, включается в состав исторических ретроспективных и текущих библиографий или выделяется в самостоятельную, связанную с «отечествоведением», задачу.

К числу наиболее выдающихся явлений в этой области относится издание в 1873 г. известного «Каталога отдела Россики или произведений о России на иностранных языках»¹⁰¹ — ретроспективной библиографии «россики», в составлении которой приняли участие В. И. Соболевский, В. В. Стасов, К. Ф. Фетерлейн и др.¹⁰² В двух томах каталога указано около 30 000 сочинений в общем алфавитном порядке (к второму тому приложена систематическая роспись). Под «россикой» в данном случае понимались иноязычные материалы о России и издания русских авторов на иностранных языках, вышедшие как за рубежом, так и в России. Среди последних указано также немало литературы на польском, латышском, и некоторых иных языках народов, населявших тогдашнюю Россию¹⁰³, что было связано с формальной организацией отраженного в каталоге фонда «россики» Публичной библиотеки. Как ни редки в нашей литературе упоминания о библиографических пособиях по «россике», каталог этот всегда отмечался как выдающееся явление¹⁰⁴, сохраняющее свое значение и в наши дни.

Интересными, хотя и весьма кратковременными, были попытки организовать текущий общий учет материалов «россики» (как правило, наряду с учетом текущей печати, издающейся в России, и в дополнение к нему) в некоторых основных библиографических журналах, начиная со второй половины XIX века: так, списки иностранных книг о России помещались в «Книжном вестнике» (1860—67 гг.), в «Российской библиографии» (1879—1882, отдел „Rossica“), в «Библиографе».

библиотекой только через сто лет после того...» (Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX в. Изд. 3-е, М., 1955, с. 113. См. также Эйхенгольц А. Д. Введение.— В кн.: Сокурова М. В. Общие библиографии книг гражданской печати. 1708—1937. Под ред. и со вступ. статьей А. Д. Эйхенгольца. Л., 1944, с. 14—15).

¹⁰⁰ Любопытным фактом библиографирования «россики» является составленная Ф. П. Аделунгом вторая часть «Систематического обозрения литературы в России в течение пятилетия — с 1801 по 1806 год», куда вошли не только книги, изданные в России на иных (кроме русского) языках, но и переводы русских авторов на иностранные языки и труды иностранцев, работавших в России, но изданные за границей (78 названий). Включение этих материалов мотивировалось в предисловии: «...российские сочинители пишут не на одном языке российском, но также и на других языках, как древних, так и новейших. Следовательно, обозрение литературы в России не может быть ограничено книгами, писанными токмо на языке российском и сочинителями российской нации; оно должно заключать в себе все произведения литературы всей империи и всех писателей, гражданами оной почитаемых...» (См. Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI века по 1917 г., М., 1956, с. 113).

¹⁰¹ Catalogue de la Section des Russica ou écrits sur Russie en langues étrangères. Vol. 1—2. St.-Petersbourg, 1873. (Bibliothèque Impériale Publique de St.-Petersbourg).

¹⁰² О необходимости издания такого каталога писал в свое время и Н. А. Добролюбов в «Современнике» (см. Боград В. Э. Н. А. Добролюбов и Публичная библиотека.— Труды Гос. публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. III (6), 1957, с. 202).

¹⁰³ Включив около 35 названий литовских изданий, каталог послужил одним из источников «Списка литовских и древне-прусских книг...» С. Балтрайтиса. В нем было и немало литуаники, что сделало его одним из источников при составлении другой важной работы С. Балтрайтиса — «Сборника библиографических материалов...», о котором см. выше.

¹⁰⁴ См. Брауде А. И. Библиотека. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 6, 1891, с. 795; Малеин А. И. Исторический очерк развития библиографии и современное ее состояние на Западе и в СССР. — В кн.: Библиографическое дело. М.—Л., 1927, с. 37; Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. 3-е изд., М., 1955, с. 301—302.

Лисовского (1884—1894), в котором «значительную ценность представляет также отдел „Rossica“ за 1885—1890 гг.»¹⁰⁵, в журнале «Книговедение» (1894—1896), выходящем под ред. А. Д. Торопова и поместившем „Rossica“ за 1893—1894 гг. Наконец, и «Книжная летопись» уже на следующий год после своего возникновения начинает вести отдел „Rossica“. Подзаголовок, данный этому разделу, четко определяет круг регистрируемых материалов: «Книги на иностранных языках, имеющие отношение к России. Переводы русских сочинений на иностранные языки. Русские книги, вышедшие за границы»¹⁰⁶. Раздел этот просуществовал недолго¹⁰⁷. Несколько дольше велся раздел «Библиография иностранной литературы о России» в известных «Библиографических ежегодниках» под ред. И. В. Владиславлева¹⁰⁸.

В наше, советское время понятие «россики», естественно, переросло в новое понятие — в «советику», и соответствующая библиотечно-библиографическая работа (как ретроспективная, так и текущая), в особенности собрание фондов, стала делом ряда крупнейших научных библиотек (среди них: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Все-союзная гос. библиотека иностранной литературы, Гос. публичная историческая библиотека, Фундаментальная библиотека общественных наук).

Следует напомнить, что еще в середине 30-х годов одним из видных деятелей советской библиографии М. А. Годкевичем в небольшой статье была выдвинута чрезвычайно интересная идея составления «комплексной библиографии Sovietica»¹⁰⁹. Отметим, что достижения советской государственной библиографии уже получили мировое признание, М. А. Годкевич писал, что ее программа не может ограничиться регистрацией изданий, выходящих лишь на территории СССР, и что «вопрос о необходимости ее расширения несомненно заслуживает интереса советской общественности». Кратко сославшись на мировую библиографическую практику, которая знает всевозможные существенные дополнения к государственной библиографии отдельных стран, усиливавшие организующее и пропагандистское значение этой библиографии, а также указав на историю русской библиографии — в дореволюционной России подобной библиографией была «Россика», выполнившая задачу регистрации книг о России («в первую очередь иноземных, поскольку задача библиографии русских книг была уже разработана ранее»)¹¹⁰ — М. А. Годкевич подчеркнул, что речь идет не о простом продолжении работы над россикой, а о ведении подобной библиографии на совершенно новой идейно-политической и методической основе: «В море разнообразнейших книг и статей; обслуживающих текущие вопросы управления, производства и быта, есть книги, непосредственно связанные с социалистическим строительством. Библиографию этих книг и статей, комплексную библиографию „Sovietica“ — вот что должны советские библиографы противопоставить старой библиографии

¹⁰⁵ Здобнов Н. В. История русской библиографии..., с. 512.

¹⁰⁶ Книжная летопись, Спб., 1908—1909. Rossica. См.: 1908 г., №№ 5, 12, 15, 17, 18, 21, 26, 34, 37, 42, 46; 1909 г., №№ 4, 10.

¹⁰⁷ К сожалению, в работах, посвященных истории возникновения и развития «Книжной летописи», факт регистрации «россики» в ней никак не комментируется, хотя, на наш взгляд, он примечателен для характеристики научно-культурного назначения летописи.

¹⁰⁸ Библиографический ежегодник. Под ред. И. В. Владиславлева. М., 1912—1914. «Библиографию иностранной литературы о России» (сост. Н. А. Ульянов) см. в указателях за 1911—1913 гг.

¹⁰⁹ Годкевич М. А. „Rossica“ и „Sovietica“. — «Книга и пролетарская революция», 1936, № 2, с. 145—147.

¹¹⁰ Там же, с. 146.

„Rossica“ Формально и „Sovietica“ должна исходить из идеи родины... Но „Sovietica“ должна быть библиографией иной родины, родины советской, социалистической»¹¹¹. И далее: «Известный географ Семёнов-Тян-Шанский свой капитальный труд «Россия» назвал «Географическое обозрение нашего отечества». „Sovietica“ может быть названа «Библиографическим обозрением социалистической родины»¹¹².

По мысли М. А. Годкевича, „Sovietica“ должна была объединить регистрацию **избранной**, «отражающей неповторимое и специфическое советское начало», литературы, — **отечественной и зарубежной одновременно**, — и в силу этого должна была иметь большое практическое, научное и пропагандистское значение и, в частности, для пропаганды социалистического опыта СССР за границей. Он предлагал уже с начала 1936 года вести текущую библиографию „Sovietica“ и в 1937 г. (в ознаменование 20-летия Октября) издать ее первый полный ежегодник, а также подготовить сокращенный указатель «советики», содержащий самое ценное за двадцатилетие. Центром работы в этой области, по мнению М. А. Годкевича, должна была стать Всесоюзная книжная палата, издающая «ряд библиографических изданий — летописей, самый характер которых заставляет их пассивно, «уравнительно» отображать все вышедшее из-под печатного станка. Выделение „Sovietica“ завершит программу работ этого авторитетного учреждения, сделает ее активной и боевой, с новой силой подчеркнет «отличительный характер» Всесоюзной книжной палаты как центра советской государственной библиографии»¹¹³.

Проект М. А. Годкевича не был реализован, хотя, как нам кажется, постановка вопроса о расширении программы советской государственной библиографии, о придании ей черт активной библиографической мобилизации всей литературы, советской и зарубежной, для пропаганды социалистического опыта была ярким проявлением того «советского начала», за отражение которого в библиографии выступил М. А. Годкевич (ему, видимо, принадлежит и заслуга введения термина «советика» в библиографический обиход).

При всей пронизательности отдельных суждений о характере государственной библиографии и необходимости «дополнения» к ней, статья не лишена недостатков: так, слабой стороной статьи была именно расширенная, отличающаяся известной распылчатостью, отсутствием конкретных критериев, трактовка термина «советика». Еще ничего не было сказано и об основном целевом назначении подобной библиографии: **об отражении связей страны**. Вопрос, поставленный в очень общей, публицистической форме, требовал более детального научного рассмотрения, но, видимо, сама постановка его в то время (в 1936 г.) была в известной мере преждевременной.

В послевоенное время, с выходом социализма за рамки одной страны, превращением его в мировую систему — содружество социалистических стран, и особенно после XX съезда КПСС, проблема библиографирования «советики» приобрела новое, актуальное значение. В этой связи достаточно сослаться на публикацию ряда материалов в журнале «История СССР»¹¹⁴.

¹¹¹ Годкевич И. А., указ. соч., с. 147.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ В е р е в к и н а А. Н. Библиографические указатели зарубежной исторической литературы о Советском Союзе. — «История СССР», 1958, № 1, с. 221—229; Б а р ы к и н а О. А. Работа ФБОН АН СССР с зарубежной литературой по истории СССР. — Там же, с. 231—232; К а н а н о в П. Х. К вопросу о комплектовании советских библиотек «россикой». — Там же, с. 230.

Сообщение О. А. Барыкиной, знакомящее научную общественность с работой Фундаментальной библиотеки общественных наук по выявлению и библиографическому учёту «советики», интересно не только изложенным в нем, нигде до сих пор не освещавшимся, практическим опытом, но и определением самого понятия. Библиотека установила весьма четкие, более конкретные сравнительно с предложениями М. А. Годкевича, границы «советики», относя к ней «следующие категории литературы, изданной за рубежом»: 1) книги и статьи из журналов и сборников, посвященные России и СССР, написанные иностранными авторами; 2) рецензии на советские научные издания; 3) переводы работ советских авторов на иностранные языки, а также оригинальные работы и выступления советских авторов на иностранных языках¹¹⁵.

В статье приведены убедительные примеры, показывающие широкий научный и общественный интерес к этим материалам, примеры их использования в обслуживании читателей и научных учреждений, и на их основе доказывается необходимость развития систематической библиографической работы по материалам «советики». Интересны и те выводы, к которым на основе собственной практики приходят библиографы этой библиотеки: «Нам кажется, что настало время поставить вопрос об учете «советики» в полном объеме и об отсутствии соответствующих печатных указателей. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина или Всесоюзная книжная палата должны взять на себя инициативу и привлечь другие библиотеки к участию в этом важном и нужном деле. Этого требуют интересы советской науки»¹¹⁶.

К выводу о необходимости изучения и широкого обсуждения вопросов, связанных с библиографированием «советики», приходят и библиографы других библиотек¹¹⁷.

Появление всех этих материалов неслучайно. Всестороннее тесное сотрудничество со странами, строящими социализм, небывалое расширение интернациональных связей советской науки и культуры, громадный рост международного авторитета Советской страны, прокладывающей всему человечеству дорогу в космос и в светлое будущее на земле, — все это не может не отразиться и на работе библиотек, и на развитии советской библиографии, в том числе и в таком своеобразном преломлении, как рост интереса к материалам печати, связанным с нашей страной, но опубликованным за рубежом.

Как видим, на практике понятия «россика» и «советика» означают не вообще литературу о России и Советском Союзе, независимо от места ее издания (как предлагал М. А. Годкевич и указано в определении Е. И. Шамурина), а лишь зарубежную литературу, печать на иностранных языках, связанную с нашей страной. При этом в ряде случаев библиография «россика», а затем и «советика» охватывает зарубежную литературу не только по признаку содержания, включая, например, переводы произведений отечественных авторов и другие категории материалов.

4. Заключение

Существование целого ряда перекликающихся, хотя и не тождественных понятий, уже узаконенных в библиографической практике, в истории библиографии разных народов и представляющих соответ-

¹¹⁵ Барыкина О. А., указ соч., с. 231.

¹¹⁶ Там же, с. 232.

¹¹⁷ См. указанные статьи А. Н. Вережкиной (с. 223) и П. Х. Кананова (с. 230).

ствия «литуанике», естественно, ставит перед теорией библиографии вопрос о возможности их приведения к некоему общему знаменателю, который позволил бы отвлечься от присущей каждому из рассмотренных выше понятий конкретной национальной (точнее — географической: по месту основного расселения нации) окраски и выявить их общую основу, их внутренний смысловой, а не только «географический» корень.

При всех вариациях объема в трактовке этих понятий на современной стадии развития библиографической терминологии несомненно, что по своей основе они аналогичны. Все они ныне имеют отчетливое библиографическое значение: обозначают ту или иную литературу, тексты, публикации и т. п. и библиографическую работу с ними; само появление и употребление этих терминов вызвано сходной библиографической практикой, связанной с определенным комплексом литературы; и, наконец, главное, в основе формирования этого комплекса, как бы широко или узко он ни понимался, лежит та или иная связь (точнее — совокупность связей) этой литературы с родной страной (республикой, краем), а специфика библиографической деятельности, определяемой этими понятиями, и заключается в библиографической регистрации произведений печати по их связи с родным краем. В этом, по-видимому, суть этих терминов, независимо от масштабов охватываемой ими литературы.

Характерно, что, как ни мало освещались эти понятия в нашей литературе, немногие попытки обобщения явлений типа «литуаники» велись именно в этом направлении. На «патриотическую установку» «россики» и «советики» и формально лежащую в их основе «идею родины» указывал М. А. Годкевич еще в 1936 году¹¹⁸. С «отечествоведением» связал «россику» и Н. В. Здобнов¹¹⁹. Наконец, в самое последнее время — в докладе Р. Я. Зверева на X Совещании директоров книжных палат союзных и автономных республик, в связи с рассмотрением практики книжных палат по выпуску изданий типа «Летописи советской литуаники»¹²⁰, а также в «Словаре книговедческих терминов» Е. И. Шамурина¹²¹ мы встречаемся с выражением «патриотика». Оно, разумеется, очень условно, но, независимо от того, установится ли оно в качестве библиографического термина или останется лишь образным выражением, оно оказывается весьма полезным для формулировки некоторых выводов, на наш взгляд, вытекающих из приведенного выше краткого сравнительного обзора явлений, аналогичных «литуанике».

В определении Е. И. Шамурина указано, что «патриотику» можно понимать двояко: **в узком и в широком смысле слова**. Такое же двоякое

¹¹⁸ Годкевич М. А. „Rossica“ и „Sovietica“. — «Книга и пролетарская революция», 1936, № 2, с. 146.

¹¹⁹ См. Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е М., 1955, с. 301—302. В трудах Н. В. Здобнова место «россики» в системе видов русской библиографии постепенно конкретизируется: судя по его беглым замечаниям, «россика», вначале (в 1924—28 гг.) признаваясь им библиографией страноведения (см. Здобнов Н. В. Синхронистические таблицы русской библиографии 1700—1928 со списком важнейших библиографических трудов. Материалы для истории русской библиографии. Под ред. проф. Б. С. Бодарского. М., 1962, с. 8) или топовиблиографией, которую не следует смешивать с краевой библиографией (см. Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии. Практическое руководство. Изд. 2-е, переработ. и значит. расширен. М.—Л., 1931, с. 14), затем на основе конкретно-исторического изучения связывается с «отечествоведением» (см. указанную выше «Историю русской библиографии...»).

¹²⁰ См. X Совещание директоров книжных палат союзных и автономных республик (20—30 ноября 1956 г.). Сборник материалов. М., 1957, с. 15.

¹²¹ Шамурин Е. И. Словарь книговедческих терминов. Для библиотекарей, библиографов, работников печати и книжной торговли. М., 1958, с. 205.

понимание термина «патриотика» отстаивает и И. В. Гудовщикова¹²² (хотя какой-либо аргументации на этот счет ни у нее, ни у Е. И. Шамурина не дано). Действительно, как мы видели, на данной стадии развития библиографической терминологии существует не один, а два взаимосвязанных ряда сходных между собою понятий.

Понятия типа «полоники» отличаются чрезвычайной широтой. Их объект — вся литература, связанная с определенной страной по признаку а) языка, б) территории, в) авторства и г) содержания. Иными словами, по масштабам охвата литературы и по своей проблематике понятия типа «полоники» непосредственно связаны с проблемой национальной библиографии, причем в самой широкой из ее концепций, как комплекса литературы страны, на языке страны и о стране. Хотя такое оптимальное понимание термина «национальной библиографии» с некоторых пор служит предметом дискуссии¹²³, однако в данном случае (применительно к «полонике», «богемике» и т. п., выражающим некую «программу-максимум») оно — реальный факт, с которым необходимо считаться.

Условность «патриотики» в такой оптимальной трактовке становится особенно очевидной и, по-видимому, оперировать таким понятием затруднительно. Неслучайно на практике, в процессе развития библиографии, происходит дифференциация и конкретизация отдельных частей (направлений) регистрационной работы, обозначаемой понятиями типа «полоники», «богемики» и т. п. Так, в области текущей регистрации, по мере развития системы органов государственной, т. е. основанной на территориальном признаке, библиографии, все остальные, остающиеся за ее рамками, части «патриотики» выделяются в особый объект библиографической работы (напр., в «заграничную полонику», «зарубежную богемнику» и т. п.), что свидетельствует о выделении из более широкого понятия более узкого — «патриотики в узком смысле слова» («собственно патриотики»).

Понятия типа «литуаники»¹²⁴ были с самого начала «собственно патриотикой», т. е. применялись к материалам, остающимся за рамками библиографий национальной печати. В зависимости от принципов охвата литературы в этих последних (территориальных или языковых критерий) «литуаника» и близкие ей понятия означают те или иные дополнения к ним: либо «изданные за пределами национальной территории», либо «иноязычные» материалы печати¹²⁵. Знаменательно, что

¹²² См. Гудовщикова И. В. В Англии и Швейцарии. — «Сов. библиография», 1962, № 2(72), с. 116.

¹²³ См. Гудовщикова И. В. О понятии «национальная библиография». — «Сов. библиография», 1959, № 5(57), с. 78—88; Лиров В. П. Национальная библиография и библиография «патриотики». — «Сов. библиография», 1961, № 6(67), с. 41—50. О критериях отбора материалов для национальной библиографии и различиях в толковании ее объекта см. также: Симон К. Р. Объект, целевое назначение, методика и формы библиографии в их историческом развитии. — Труды Б-ки АН и ФБОН», т. V, 1961, с. 17.

¹²⁴ Кроме указанных выше «георгики», «болгарики», близки «литуанике», напр., «леттика» (см. Пуце О. Библиографическая работа с литературой о Латвийской ССР в Государственной б-ке Латвийской ССР. — Опыт работы (Гос. публичн. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Л., 1959, с. 22), а также «хунгарика» (иноязычная литература о Венгрии), фундаментальный указатель которой был создан в конце XIX в. известным венгерским библиографом Ш. Алпони (Arponyi S. Hungarica. Magyar vonatkozású külföldi nyomtatványok. T. 1—2. Budapest. 1900—1902). См. о нем и его трудах в упомянутой выше статье И. Кузмика о «словакуме», с. 219—221.

¹²⁵ Первое, как правило, относится к текущей библиографии «патриотики», второе — к ретроспективной. Это различие, по-видимому, необходимо, ибо смешение различных подходов к текущему и ретроспективному библиографированию вносит досадную путаницу не только в проблему «национальной библиографии», но и в определение объекта интересующей нас библиографии. К сожалению, напр., в трактовке «булгарики» это обстоятельство, как нам кажется, еще недостаточно учитывается.

в ходе развития библиографии эти понятия, относившиеся первоначально к литературе страноведческого (краеведческого) характера (о стране, республике, крае), постепенно расширялись, вбирая в себя литературу не только по признаку ее тематической связи с данной страной, но и по другим признакам (так, в понятие «литуаники», «булгарики», «россики» включились переводы, а подчас и некоторые другие произведения). Эта тенденция, противоположная указанной выше тенденции к сужению понятий типа «полоники», обуславливает выход библиографий литуаники, булгарики и т. п. за рамки отдельных специальных и страноведческих библиографий (какими они часто были в прошлом) и превращение их в составную часть общей библиографии, в прямое дополнение к библиографиям национальной печати.

Следует подчеркнуть, что противоречивость в задачах, формах, в практике библиографирования материалов «патриотики» в прошлом, а в капиталистических странах и поныне, неслучайна. В ней отразились не только своеобразие конкретно-исторических условий развития библиографии в различных странах, но и стихийность этого развития в условиях капитализма. Недаром, поставив библиографию на службу социалистическому строительству, развивая ее на дальновидных плановых началах, библиографы социалистических стран ныне не отказываются от задачи библиографирования «патриотики», но стремятся, осознав всю ее необходимость для развития науки и культуры и всю ее специфику, найти для нее наиболее целесообразные организационные и методические формы, теоретически и практически оправданное место среди многих других задач. Об этом убедительно свидетельствуют материалы Международной библиографической конференции по проблемам национальной библиографии в Варшаве (сентябрь, 1957 г.) и особенно один из ее основных докладов — доклад директора Болгарского Библиографического института Елин Пелин проф. Тодора Борова «Международное библиографическое сотрудничество в области параллельных (двухсторонних) библиографий (текущих и ретроспективных)»¹²⁶.

Таким образом, с разных сторон, в зависимости от той или иной исторически сложившейся исходной базы и достигнутого уровня библиографического развития, идет формирование своеобразной и необходимой новой области общей учетно-регистрационной библиографии¹²⁷. В условиях социализма главное целевое назначение и содержание подобной библиографии заключается в целостном и полном библиографическом отражении литературы о растущих разносторонних (обществен-

и под «булгарикой» подразумеваются лишь «иноязычные» материалы о Болгарии. Верное для ретроспективной библиографии, такое определение неточно для текущей библиографической регистрации, формально основанной на принципе территории, а не языка. Формальный же признак: «издано за пределами Болгарии» могут иметь произведения печати, связанные с ней не только по своему содержанию, но и по другим существенным для науки критериям, например, по признаку авторства. В таком случае «булгарика» имеет общий характер и становится важным дополнением к библиографии национальной печати.

¹²⁶ См. Вогов Т. Coopération internationale dans le domaine des bibliographies bilatérales parallèles (courantes et rétrospectives). — В кн.: Międzynarodowa Konferencja bibliograficzna o problemach bibliografii narodowej. Warszawa, 1961, s. 21—30, резюме на русск. яз., с. 30—31, а также перевод доклада на русский язык в изд.: «Библиотечное дело в странах народной демократии» (Информ. материалы), 1957, № 3, с. 10—25.

¹²⁷ Разумеется, сказанным не отрицается возможность создания различных специальных библиографических работ, посвященных, например, только переводам или литературным связям и т. п., но их создание идет гораздо успешнее, если имеется общая регистрационная библиографическая база, если учёт материалов «патриотики» в качестве дополнения к библиографии национальной печати ведется в полном объеме, отвечающем масштабам сотрудничества социалистических наций, и систематически.

но-политических, экономических и культурных) взаимных связей одной страны (республики) с семьей братских народов, объединенных общностью цели, интересов, идеологии. Поэтому и сам термин «патриотика» применительно к этой литературе и библиографии следует ныне понимать в духе социалистического патриотизма, в духе органического сочетания патриотизма с пролетарским интернационализмом. В этом — отличительная черта такой библиографии, связанная с ее новой социальной и идеологической направленностью в наши дни.

Логически рассуждая, если существует «патриотика в широком смысле» и «патриотика в узком смысле слова», и первая, как о том свидетельствует, например, библиографы Польши и Чехословакии, целиком покрывается более распространенным, хотя и недостаточно еще разработанным понятием общей национальной библиографии, то, на наш взгляд, отсюда следует, что, во-первых, употребление понятия «патриотика» в широком смысле слова едва ли целесообразно, и, во-вторых, что «собственно патриотика», как разновидность библиографии, является в принципе (конечно, с учетом исторических особенностей ее развития у того или иного народа) частью вышеуказанной общей национальной библиографии. Последнее положение, нам кажется, важно как для уяснения проблемы национальной библиографии, так и для определения места библиографий типа литуаники в системе видов библиографии.

Vilniaus Valst. universitetas
Bibliotekininkystės katedra

Įteikta
1962 m. spalio mėn.

LITUANIKOS BIBLIOGRAFIJOS OBJEKTO PROBLEMA

V. LYROVAS

Reziumė

Straipsnyje lituanikos objekto klausimas nagrinėjamas, pirma, istoriniu aspektu ir, antra, gretinant lituaniką su kitų TSRS bei užsienio socializmo šalių tipo bibliografijomis.

Pirmoje straipsnio dalyje parodomas lituanikos bibliografavimo tradicijų formavimasis ir vystymasis. Lituanikos registravimas lietuvių bibliografijos istorijoje vyksta paraleliai su lietuvių spaudos bibliografija. Jau pirmuose lietuvių nacionalinės bibliografijos bandymuose greta lietuviškų spaudinių yra registruojama lituanikos medžiaga. Vėliau lituanikos bibliografavimas įgauna vis platesnį mastą — pasirodo dideli specialūs retrospektyviniai darbai (S. Baltramaičio „Bibliografinės medžiagos rinkinys...“), leidžiamos einamosios informacinės bibliografijos (M. Urbšienės „Lituanikos“ rodyklės). Straipsnyje atskleidžiami lietuvių spaudos bei lituanikos bibliografijų ryšiai, nagrinėjamos tų ryšių priežastys, jų dėsningumas, parodoma, kad pirmoji iš jų buvo pagrindinė, antroji — papildoma. Antrajame bibliografijos vystymosi etape lituanikos bibliografavimo uždaviniai ilgą laiką buvo siejami su specialiosios bei kraštotyriinės bibliografijos darbų sudarymu. Toliau vystantis lietuvių bibliografijai, lituanikos registravimas peržengia tų bibliografijų ribas ir tampa lietuvių nacionalinės bibliografijos sudedamąja dalimi. Tuo būdu, straipsnyje parodoma, kaip istorijos bėgyje lituanikos bibliografijos sąvoka keitėsi ir plėtėsi.

Darbe bandoma nustatyti pagrindinius lituanikos bibliografijos vystymosi etapus. Pirmajame — 1824—1875 m. — užsimezga lituanikos bib-

liografavimo tradicijos. Šis laikotarpis prasideda lietuvių nacionalinės bibliografijos pirmaisiais darbais (K. Nezabitausko literatūros sąrašų) ir baigiasi J. Karlovičiaus darbo „Lietuvių bibliografijos bandymas“ pasirodymu. Lituanikos registravimo bandymus tuo laikotarpiu tenka apibūdinti kaip reikšmingą lietuvių bibliografijos tendenciją, turėjusią įtakos tolesnei jos raidai. Antrasis laikotarpis apima XIX a. pabaigą — XX a. pradžią (iki 1917 m.). Šis laiko tarpas susijęs su pirmosios stambios lituanikos bibliografijos autoriaus S. Baltramaičio veikla. Lituanikos bibliografija tuo laiko tarpu išsivysto į atskirą lietuvių bibliografijos šaką, bet turi kraštotyrinės bibliografijos formą. Trečiąjį lituanikos bibliografijos vystymosi etapą sudaro buržuazinis laikotarpis. Tuo metu lituanikos bibliografija yra spausdinama greta lietuvių spaudos bibliografijos (žurnaluose „Knygos“ ir „Bibliografijos žinios“) ir atskirais leidiniais (M. Urbšienės rodyklės). Lituanikos bibliografavimą riboja silpni buržuazinės Lietuvos kultūriniai ryšiai su kitomis šalimis, valdančiųjų sluoksnių nacionalistinė ideologija ir orientacija į Vakarų, be to, silpna organizacinė bazė.

Visiškai kitos sąlygos lituanikos bibliografijai vystytis susidarė Tarybų Lietuvoje. Lituanikos bibliografavimas įgavo gilią idėjinę ir mokslinę reikšmę, buvo sukurta tvirta organizacinė bazė. Nenuostabu, kad toje srityje per trumpą laiką buvo pasiekti žymūs rezultatai. Straipsnyje detaliai atskleidžiamas dabartinės lituanikos bibliografijos objektas. Apibūdinama „Tarybinės lituanikos metraštyje“ registruojama literatūra: a) autorinė lituanika — Lietuvos TSR autorių kūriniai TSRS tautų ir užsienio kalbomis, b) kraštotyrinė lituanika — TSRS ir užsienio šalių tautų autorių darbai apie Lietuvą ir lietuvių tautą ir c) kalbinė lituanika — už Lietuvos ribų pasirodę spaudiniai lietuvių kalba. Taigi, šiuo metu einamoji lituanikos bibliografija apima spaudinius, išleistus už Lietuvos ribų, tačiau su ja susijusius pagal turinį, autorių arba kalbą. Toks kompleksinis lituanikos traktavimas pasidarė galimas tik po to, kai buvo sukurta tiksliai apibrėžta valstybinė apskaitinė-registracinė respublikos bibliografija, kurią turi papildyti „Tarybinės lituanikos metraštinė“.

Antroje straipsnio dalyje pateikiami teoriniai teiginiai apie artimas lituanikai sąvokas bei duomenys apie kitų tautų vystomas analogiškas bibliografijas. Nagrinėjamos georgikos, bulgarikos, polonikos, bohemikos, slovākumo, kazachstanikos sąvokos. Detaliau nušviestos rosikos bibliografavimo tradicijos, taip pat sovietikos bibliografavimo klausimas. Literatūros apie visas šio pobūdžio bibliografijas analizė rodo, kad jas galima suskirstyti į dvi grupes: vienos jų savo turiniu yra platesnės, kitos — siauresnės. Pirmosios grupės sąvokos (pavyzdžiui, polonika) yra platesnės, negu lituanika, ir pagal savo turinį sutampa su bendrosios nacionalinės bibliografijos sąvoka. O antrosios grupės sąvokos (pvz., bulgarika, georgika) pagal turinį sutampa su lituanika ir apima tik už nacionalinės spaudos ribų išeinančius spaudinius. Pastarosios bibliografijos laikytinos nacionalinės bibliografijos sudedamąja dalimi. Šių sąvokų lyginimas parodo, kad bibliografijos apie tautos ryšius su kitomis pasaulio tautomis yra kompleksinio pobūdžio ir kad tokio pobūdžio bibliografijos palapsniui išsivysto kaip atskira sudedamoji ir svarbi nacionalinės bibliografijos šaka, tačiau turinti savo problematiką ir metodiką. Tuo būdu, analogiškų kitų tautų bibliografijų raida patvirtina lituanikos sąvokos vystymosi dėsningumą, sąlygojusius jos formavimąsi.